

Мевгеній
Опизин

ПРОКЛЯТИЕ АРИМАНА

МАГ

Евгений Малинин
Маг
Серия «Проклятие Аримана», книга 2

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119570
Малинин Е.Н. Проклятие Аримана. Маг: Фантастический роман: АСТ; М.; 2003
ISBN 5-17-013039-2

Аннотация

Он – тот, кто должен сыграть до конца фугу для двух клинков, двух миров и одного магистра, и тогда рухнет заклятие Аримана, закольцевавшее два мира...

Он – тот, кто однажды заснул – и очнулся ото сна уже в Разделенном мире. В мире, где он обладает Мечом Поющим и Кинжалом Молчащим. В мире, где, как нигде более, сильна власть колдовства. Так начинается его путь. Путь ученика...

Но чем же продолжится путь Ученика? Попыткой спасти похищенного ребенка в мире нашем, земном? Или – попыткой отыскать исчезнувшего сына в странном мире Многоличья, где обитатели изменяют свой облик согласно таинственным магическим законам?

Две миссии сплетены в одну. Два мира переплелись в единую дорогу – ту, где говорят камни и духи, горят храмы и летят драконы. Две миссии. Два подвига. Один жестокий, могущественный враг. Так, в крови и опасности, становится ученик магом.

Содержание

ПРЕЛЮДИЯ	4
Часть первая	8
1. ЗВОНОК	8
2. ПОХИЩЕНИЕ	11
3. ПОИСК	17
4. ПОБЕГ	23
5. СОНЯ	33
ИНТЕРЛЮДИЯ	38
6. ЧЕТЫРЕХЛИКИЙ НАВОН	41
7. УТРО	49
8. ДОРОГА	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгений Малинин

Проклятие Аримана. История Вторая МАГ

ПРЕЛЮДИЯ

«Весь мир – театр, а люди в нем актеры» – удивительно точно и поэтично. Шекспир велик! Но уж очень хочется сделать к этому дополнение из другого классика: «И если уж тебе досталась в этом театре роль, то сыграть ее нужно так, чтобы не было мучительно стыдно за бездарно проваленный спектакль...»

– ...Многоликий, заканчивая свой отчет, я хотел бы еще раз обратить твое внимание на действия Храма и лица, называющего себя Единый-Сущий!..

– Ты снова об этом!.. – Молодой мужчина, сидевший за рабочим столом, поднял недовольное лицо.

Разговор происходил в небольшом кабинете, всю обстановку которого составлял стол, стоявший в углу, и книжный шкаф, за стеклом которого поблескивали золотом кожаные корешки переплетов. Прекрасный гобелен отделял кабинет от прочих покоев. Освещался кабинет единственным бра в форме львиной лапы, державшей три свечи, однако этого света вполне хватало, чтобы ясно видеть стоявшего напротив стола мужчину в сером.

– Да, Многоликий! Получаемые мной донесения становятся все тревожнее и тревожнее. За Нароной проповедники Храма – или, как они сами себя называют – апостолы, – уже требуют от твоих подданных отказаться от многоличья!..

– Что значит – требуют?..

– Они говорят, что Единый, в которого они... «верят» и которому поклоняются, создал человека в едином образе, подобном ему самому. Но Измененный... – говоривший слегка пожал плечами, – ...соблазнил людей способностью изменять свой облик, чтобы они потеряли образ Единого...

– Измененный?.. – поднял бровь Многоликий.

– Измененный – это главный враг Единого, который почему-то строит козни людям, – пояснил говоривший. – И поэтому люди должны отказаться от способности менять свой облик.

– Неужели из-за этих сказок человек способен отказаться от многоличья! – Многоликий недоверчиво покачал головой. – Отказаться от зелени полей и лесов, в которых ему доступно все, отказаться от неба с его ветрами и простором, от моря и рек, их глубины, загадочности и покоя! И стать серым одноликим существом, ограниченным двумя ногами и двумя руками!

Он пристально посмотрел на стоявшего перед ним мужчину и спросил:

– Неужели ты, шестиликий Галл, способен отказаться от своих крыльев или мощных лап, чтобы постоянно пребывать вот таким? – Он ткнул ладонью в сторону собеседника.

– Ни за что, Многоликий! – ответил тот. – Но большинство вновь обращенных вовсе не теряют своего многоличья. Они только отказываются перевоплощаться. Таких, которые побывали в Храме и прошли обряд возвращения единого лика, очень мало. Правда, именно они становятся самыми жесткими и жестокими последователями нового... новой веры. И

еще, Многоликий! По стране ходит очень много слухов о том, как Единый наказывает тех, кто отказывается следовать его повелениям. Вот, к примеру... – он быстро перебрал зажатые в ладони листки и, выбрав один, принялся читать, – ...что сообщают о Варе, владельце Цветущей Пустоши...

– Что с ним случилось? Я его хорошо знаю... – встрепнулся Многоликий.

– Полный месяц тому назад к нему в замок явился посланник Единого-Сущего и велел прибыть в Храм для прохождения обряда возвращения единого лица. Вар ответил ему моими словами – «ни за что на свете».

Многоликий одобрительно качнул головой, а Галл, не останавливаясь, продолжил:

– Посланник уехал, а через три дня, утром, во дворе своего замка, на глазах всех своих слуг пятиликий Вар вдруг вспыхнул как факел. Никто не успел опомниться, как от него осталась лишь горстка пепла. Говорят, что с того момента, как Вар вспыхнул, и до того, как его пепел разметало ветром, во дворе замка стоял такой вопль, что люди прятались от него по углам и закоулкам. Вар уже сгорел, а его вопль все метался между стенами, как страшное эхо какого-то проклятия.

Длинные пальцы Многоликого, лежавшие на столешнице, сжались в кулаки, а глаза зажглись холодным пламенем, но он продолжал слушать Галла, не перебивая.

– Проповедник из ближнего городка сразу объявил, что Вара покарал Единый. И конечно, его сын и наследник – Вар Третий – без зова поехал в Храм и прошел обряд. Правда, с тех пор как он вернулся, его никто не видел. Говорят, он заперся в винном погребе и уже уничтожил почти половину отцовских запасов. Зато в замке сразу появился новый первый советник, приехавший вместе с наследником из Храма.

– А Цветущая Пустошь контролирует главную дорогу из столицы на север... – сквозь зубы прошептал Многоликий. Он помолчал, а потом жестко спросил: – Но, судя по этому сообщению, против Вара было применено какое-то непонятное колдовство? Человек не может вспыхнуть как факел сам по себе!

– Прямых улик нет. Мы не можем обвинить Единого-Сущего и его Храм в запрещенном применении магии без доказательств. Таков закон, и не нам его нарушать! К тому же есть сообщения еще более страшные...

– Что же может быть еще страшнее? – блеснув глазами, спросил Многоликий.

Шестиликий Галл зябко повел плечами и, понизив голос, ответил:

– В мире появились... безликие! Вот что сообщил мне бургомистр одного маленького городка на берегу Нароны.

К одному из жителей города приехала родная сестра. Она работала служанкой у очень богатого и уважаемого купца, жившего неподалеку от Некостина. Купца звали трехликий Патас. Он также отказался признать новую... веру... и открыто уходил из города охотиться в облике рыси. Кончилось это тем, что однажды ночью к нему в дом вломились четыре человека. Женщина, которая рассказала эту историю, говорит, что она увидела этих людей случайно. Она не пошла, хотя давно собиралась, к своей подруге, и когда в дверь заколотили, она спряталась в шкафу, в коридоре.

Так вот, когда Патас открыл дверь, в дом ворвались четверо огромных полуголых мужчин, на голову выше любого местного жителя. Они сразу надели на Патаса металлический ошейник, такой же, какой, по слухам, надевают на проходящего обряд. Патас орал и отбивался, но ни звука не было слышно. Его быстро скрутили и увели. Больше его никто не видел. Женщина говорит, что у этих людей были совершенно неподвижные, тупые лица, пустые, словно стеклянные глаза, они действовали очень слаженно, но совершенно беззвучно, как будто им вырезали языки. Двигались они быстро, но как-то механически, рывками, будто кто-то дергал их за руки и за ноги. И вообще они были похожи на людей только внешне. Индивидуального человеческого облика у них не было. А прибывший накануне в городок

апостол Храма заявил, что Патаса призвал к себе Единый для ответа за неповиновение. Женщина была очень напугана и наотрез отказалась возвращаться назад. И такие слухи приходят из разных мест...

Многоликий откинулся на спинку кресла и, наклонив голову, задумался, теребя свои длинные белокурые локоны почти серебряного цвета. В кабинете повисло молчание.

В это время за гобеленом, затаив дыхание и жадно слушая разговор, притаился мальчик лет восьми. Он был одет в черный камзолчик, черные замшевые штанишки, заправленные в черные же сапожки с наискось срезанными голенищами. На его поясе в черных, расшитых золотом ножнах висела коротенькая рапира с витым, богато украшенным эфесом. В глубоком полумраке комнаты только она, да еще непокрытая беловолосая голова выдавали его присутствие.

Наконец хозяин кабинета поднял голову:

– Ну что ж, Галл, завтра ты отправишься в Храм для беседы с этим таинственным Единым-Сущим. Отправишься в первом облике. Я понимаю, что долететь до Некостина тебе гораздо проще, но ты поедешь верхом. По пути ты лично выяснишь, насколько эта новая... «вера»... опасна и насколько она угрожает нашей стране. Можешь идти. Подбери себе свиту и отдохни перед дорогой.

– С твоего разрешения, Многоликий, я хотел бы этой ночью поохотиться. Судя по всему, мне теперь не скоро придется встать на лапы...

– Конечно, Галл, лес к твоим услугам. К сожалению, я не смогу составить тебе компанию, слишком много забот... Кстати, не забудь записать все, что ты увидишь в пути, и для доклада, и для архива...

Галл легко поклонился, нахлобучил серую шляпу с роскошным плюмажем на свою светлую, слегка рыжеватую голову, плотнее запахнулся в темно-серый плащ и вышел из кабинета.

Мальчишка оторвался от портьеры и на цыпочках направился в сторону выхода, однако его тут же остановил голос:

– Принц, я знаю, что ты за ковром! Изволь подойти ко мне.

Мальчик вздохнул. Опять ему не удалось поймать мгновение, когда отец раздвоил сознание, обшарил всю комнату и поймал его. Он повернулся и, откинув гобелен, вошел к отцу...

– Судя по твоему поведению, ты начал интересоваться государственными делами? – с улыбкой спросил Многоликий.

– Нет, отец. – Мальчик был серьезен. – Просто я хотел попросить разрешения пойти на охоту с Галлом, но не смел мешать вашей беседе.

– Ты хочешь участвовать в ночной охоте? – переспросил Многоликий с сомнением в голосе.

– Да, отец! Очень! Я уже вполне большой!.. И потом, я же буду вместе с Галлом...

Многоликий задумчиво посмотрел на сына, а потом проговорил:

– Ну что ж, попробуй. Только пусть Галл возьмет еще двоих гвардейцев. Все-таки ночная охота довольно опасное занятие...

– Спасибо, отец, – просиял мальчик.

– И кто же сегодня будет охотником? – На лицо Многоликого вернулась улыбка.

– Рыжая рысь! – подпрыгнув от нетерпения, воскликнул мальчишка.

– Ну беги... – отпустил Многоликий сына.

Мальчишка еще раз подпрыгнул и метнулся к двери. Захлопнув за собой тяжелую резную створку, он, привычно придерживая эфес левой рукой, побежал по каменным коридорам, сквозь анфилады комнат, задерживаясь только для того, чтобы открыть многочисленные

двери. Наконец он выскочил во двор замка и, стрелой промчавшись по каменной лестнице, оказался на крепостной стене замка.

Маленький, одинокий, гордый замок венчал вершину такой же гордой и одинокой черной скалы. Он казался естественным продолжением гранитного пальца, упертого в небо. Его черные стены вырастали из тела скалы, словно неведомый великан просто вырубил их гигантским долотом. А черная, поблескивающая колотым гранитом скала шагнула далеко от гор, взметнувших высоко в небо свои белые вершины, и будто раздумывала, не стоит ли двинуться дальше, за лес, к тем невысоким постройкам, между которыми изо дня в день суется эти смешные маленькие люди. Ни дороги, ни хотя бы тропы не было проложено по гладким искрящимся срывам скалы к замку. Не было в стенах замка и ворот. Он стоял молчаливый, недоступный и одинокий хозяин округи.

Мальчик замер меж двух зубцов стены, положив на один из них руку. Перед ним открылась прекрасная панорама его родного мира, на который медленно опускался вечер.

Полутораметровые зубцы на стенах, шпили сторожевых башен, тяжелое изумрудное с золотом знамя, лениво плескавшееся над острой крышей главного здания замка, еще купались в золотистом свете заходящего солнца, а подножие скалы, ближний луг, пересекавшая его дорога, небольшое, но глубокое болото, роща рядом с болотом, маленькие деревеньки за ней уже погружались в голубовато-серый полумрак.

И под покровом этого полумрака из болота поднимался туман. Это происходило каждый вечер. Сначала появлялись прозрачные, словно вуаль невесты, почти невидимые, щупальца. Затем весь окружающий луг затягивало белой клубящейся пеленой, охватывавшей плотным кольцом черный гранит одинокой скалы. И наконец, словно набравшись сил и улучив благоприятный момент, туман бросался на штурм неприступной вершины. Белесые, размазанные клочья, отрываясь от плотной пелены, выбрасывались вверх и цеплялись за едва видимые уступы и трещины. За ними подтягивались здоровенные лохматые лапы. Они, глотая своих разведчиков, плотно прилипали к скале и начинали подтягивать аморфное, бугристое, волнующееся серовато-белое тело. Казалось, еще немного, и туман накроет скалу, сожмет ее в своих мокрых объятиях, растворит ее в себе и сровняет с землей, оставив, может быть, несколько валунов на память о некогда возвышавшейся здесь твердыне.

Но каждый вечер на небе вспыхивали яркие сиреневые звезды, и туманной пелене приходилось откатываться, бежать, удирать в свое болото под их острыми безжалостными лучами.

Вот и сегодня грязно-белое одеяло тумана вместе с вечерним полумраком поднялось уже до половины Черной скалы, но мальчик, замерший над обрывом стены, не обращал на него внимания. Он жадно оглядывал окрестности и наконец увидел огромную темно-серую птицу, которая плавно снижалась, направляясь к дальнему потемневшему лесу. И тогда мальчишка оторвал руку от каменного зубца и шагнул в пропасть. Его маленькое тельце зависло, словно раздумывая – падать вниз или взмывать в небо, а затем раздался негромкий хлопок, и вместо тела человеческого детеныша к бурлившей пелене тумана ринулся небольшой стремительный сокол...

Часть первая ДВА МИРА

1. ЗВОНОК

4 июня 1999 года. Все когда-нибудь начинается и все когда-нибудь заканчивается... Все с чего-нибудь начинается и все чем-нибудь заканчивается. Только почему-то люди никогда не знают, что именно началось или закончилось в это самое, конкретное мгновение... И если в вашей квартире в самое неподходящее время раздается телефонный звонок, вполне можно ожидать, что что-то начинается... Или заканчивается...

Заяц был бурого цвета и совершенно невероятных размеров. Если бы я встал рядом с ним, то он своими ушами доставал бы мне до пояса. Заяц стоял посреди большой поляны, и его задние лапы целиком прикрывала высокая трава. Перед Зайцем стоял большой барабан, доходивший ему почти до плеча. В передних лапах этот невиданный зверь держал деревянную толкушку для картошки и такой же молоток для отбивания мяса, и этими кухонными принадлежностями он со всей силы выколачивал на барабане ритм, напоминавший марш из оперы Джузеппе Верди «Аида».

Получающаяся музыка доставляла Зайцу огромное наслаждение, поскольку он довольно улыбался, показывая два здоровенных, наползающих на нижнюю губу резца, а его длиннющие уши двигались взад-вперед в такт извлекаемым звукам.

Таким образом Заяц развлекался несколько минут, а затем бросил в траву свои «барабанные палочки» и, наклонив голову набок, задумался. После нескольких секунд глубокого раздумья Заяц вышел из-за барабана, облокотился на него, заведя ногу за ногу, и выудил из-за спины большую губную гармошку. Некоторое время он внимательно ее разглядывал, а затем поместил ее под свои белоснежные резцы, набрал полную грудь воздуха и дунул. Раздался мелодичный звонок. Заяц со значением посмотрел на меня и дунул еще раз. Вновь раздался мелодичный перезвон, прозвучавший на этот раз настойчивее. Заяц вытащил гармошку из-под зубов, сделал два шага вперед, наклонился вперед, очень укоризненно посмотрел на меня и как-то раздраженно дунул в гармошку еще раз. Снова раздался тот же перезвон... и я открыл глаза.

В кромешной ночной тьме мой дорогой друг – будильник подмигивал мне яркой зеленой точкой между двух цифр – 03 и 26. В прихожей раздавался перезвон телефона.

«Какой заразе понадобилось звонить мне в такое время?» – подумал я, надеясь в душе, что телефон замолчит сам, и мне не придется вставать. А вставать и тащиться в прихожую, чтобы услышать в трубке незнакомый и, весьма вероятно, пьяный голос, требующий какую-нибудь Нюсю или Иру, мне очень не хотелось. Мне хотелось спать.

Я только вчера возвратился из нашего учебного лагеря, который находится в Бурятии, на берегу Байкала. Я не видел любимую жену и сына четыре месяца, правда, для них я отсутствовал всего четыре дня. Такие уж у нас в лагере созданы условия, чтобы ученики могли спокойно, без оглядки на свою трудовую деятельность, пройти семинары и сдать зачет. У меня был зачет по сотворению и использованию магических предметов – тема в общем-то довольно простая...

Что-то я спросонья путано говорю, давайте-ка сначала.

Итак. Уже почти четыре года я хожу в учениках чародея. Вернее, в учениках магистра общей магии с древним именем Антип. Если кому-то кажется, что я был помещен в заколдованное подземелье и не переставая толлок в ступе сушеных лягушек, вываривал змеинные мозги и парил колдовские зелья под руководством страшно опытного колдуна, то он ошибается. Я продолжал работать в своей рекламной фирме «ДиссидентЪ», ухаживать за любимой девушкой – студенткой юрфака МГУ, кормить Ваньку и спорить с моим домовым – Егорычем.

Правда, по вечерам, три-четыре раза в неделю я занимался теорией магии. Вы, конечно, плохо себе представляете, что это такое? Это, во-первых, языки. Египетский, халдейский, атлантский, шумерский, древнеславянский и некоторые другие. Самый современный из них – старофранцузский, но и на нем можно вполне сломать свой артикуляционный аппарат. Нет, если вы решили, что я умею теперь говорить на всех этих языках, вы глубоко заблуждаетесь, говорить на них сегодня не может практически никто. Я изучал фонетику, звукопроизношение, если можно так сказать.

Поверьте мне на слово, что далеко не случайно сказано: «В начале было Слово». С помощью правильно составленного фонетического ряда, что, собственно говоря, и есть Слово, можно сотворить практически что угодно. Вся-то задача состоит в том, чтобы этот ряд правильно составить. И произнести. Правильно! Иначе последствия могут быть самыми неожиданными. Большинство из ребят, с которыми я познакомился на полигоне, глубоко уверены, что большое Калифорнийское землетрясение в начале века произошло из-за того, что один чужак в Мариуполе решил изготовить себе волшебный горшок, ну, тот, в котором каша никогда не кончается. Кто его научил произносить это заклинание, неизвестно, а о последствиях я уже сказал. Видимо, паренек попытался прошептать пару слов на арамейском, но при этом произношение имел с ярко выраженным украинским акцентом.

Еще я изучал теорию стихий – огня, воды, земли и воздуха, теорию живого и неживого, теорию жеста, теорию атаки и обороны, теорию трансформаций, теорию игр... Я думаю, все перечислять и не стоит. Если бы учитель не растягивал мое время, вряд ли я когда-нибудь все это успел. А так, бывало, выйдешь от Антипа, язык двигаться отказывается, потому что забыл русские звуки – как «а» произносится не помнишь, голова гудит, есть хочется, словно полный рабочий день за спиной, а по часам на все занятие всего минут двадцать ушло. И на свидание вполне успеваешь. Правда, сам Антип приписывает мои относительные успехи не столько времени, которое я проводил за занятиями, сколько моему таланту, или, как он сам говорит, дару, которым меня одарила моя бабушка.

Все практические занятия ученики чародеев проходят на полигоне, или, как его по-другому называют, в учебном лагере. Полигон этот находится в таком месте, которое полностью поглощает магические уродства. То есть даже если кто-то специально захочет в этом месте сотворить что-то уродливое, неестественное, у него ничего не выйдет. Зато истинная магия расцветает там пышным цветом, сразу видно, что заклинание сработало. Кроме того, там в округе очень редко бывают посторонние люди, а местные не задают никаких вопросов, если, собирая орехи или ягоды, натыкаются в тайге на странных всадников (вы не поверите – на ком и на чем только мне не приходилось ездить!) или на двух, трех, четырех молодых ребят, пытающихся убить друг друга с помощью самых разнообразных предметов.

Местные жители, видимо, уже привыкли к этому странному соседству. Ну раньше здесь солидные люди разного пола и возраста проводили время в пьянках, гулянках и заплывах, а теперь элитный пансионат «Серебристый омуль» заполнили странные, совершенно трезвые, молодые люди, занимающиеся различными, порой достаточно шумными и необычными, а порой опасными видами спорта.

Год назад я наконец уговорил свою любимую девушку выйти за меня замуж. Любовь Алексеевна – Людмила мама, категорически возражала против нашего брака, пока Люд-

милка не окончила учебу. Мне почему-то кажется, что моя теща, пока мы с ее дочерью встречались, да и первое время после нашей свадьбы, все ожидала, когда же я скончаюсь в жутких корчах. И не потому, что я ей не нравился. Нет. После того как я, вернувшись из загса, назвал ее мамой, она смотрела на меня с такой нежностью и состраданием, словно я был ее единственным сыном. Но несчастья со мной она все-таки ожидала. Окончательно поверила она в то, что их родовое проклятие закончилось только тогда, когда у нас родился сын. Внук стал для этой замечательной женщины знаком начала новой счастливой жизни. И для меня рождение Володьки вообще было событием эпохальным. Сами понимаете – появилась возможность передать мой дар внучке (ха!), удвоив его!

Так что жизнь моя бурлила, но при этом текла достаточно плавно. Я уже в третий раз смотался на полигон сдавать очередной зачет, на этот раз – по зачаровыванию предметов. Пришлось попотеть – изготовлением какой-нибудь обычной и всем надоевшей скатерти-самобранки у нас не отделаешься, необходимо показать выдумку и сообразительность. И, кроме того, практическую применимость.

Вот Славка Егоров, будущий боевой маг, сотворил чашку без дна. И жидкость любая в ней держится, даже не убывает, и по желанию содержимое может горьким, может сладким быть. Ну и что?! Дедок один, внешний консультант из Зимбабве, пристал: «А зачем эта чашка нужна? А почему дна нет?» Попробуй обоснуй! Я Славке говорил: сделай танк-кладенец. Башню повернул – улица, пулемет наклонил – переулочек... – а он все: «Тривиально, тривиально...» Может быть, и тривиально, зато объемно и впечатляюще, а главное – в русле специализации. В общем, Славка защитил свою чашку только после того, как она укусила этого консультанта за палец, то есть проявила боевые качества.

Конечно, мне, с одной стороны, легче – общая магия она и есть общая магия. Я корешок рябиновый наговорил так, что он свойства женьшеня получил и отрезанная часть у него за двадцать минут отрастает, и все, и никаких вопросов, и зачет в кармане.

И вот человек возвращается после четырехмесячного отсутствия, жена его целых четыре дня не видела, спать легли поздно – рассказов-то сколько, да заснули, естественно, не сразу, а тут ни свет ни заря – телефон. Ну кому понравится.

В общем, поднялся я только тогда, когда Людмила сквозь сон промурлыкала:

– Илюшенька, звонят... Ни мне, ни Володьке в это время звонить не могут, так что это наверняка тебя... – Намек понял. Я встал с постели и побрел в сторону телефонного аппарата.

2. ПОХИЩЕНИЕ

...У вас есть друг? Нет, не товарищ, с которым можно посидеть за столом и поговорить о том о сем, не знакомый, у которого можно перехватить до зарплаты или организовать совместное посещение ресторана. Нет! У вас есть друг, ради которого вы бросились бы на амбразуру?.. Нет? Тогда вы меня вряд ли поймете...

Не успел я пробормотать в трубку сонное «Да», как в ответ раздался хриплый и какой-то больной голос Юрки Воронина:

– Илюха, как хорошо, что ты дома. У меня беда, Данила пропал!

– Как это – Данила пропал? – Сон с меня слетел мгновенно. – Когда пропал? Ты в милицию звонил? Что Светка делает?

– И со Светкой что-то странное. Сидит, молчит, только глазами как кукла лупает. Я думал, это у нее из-за Данилы, попробовал ей успокоительное дать, так она мне по руке заехала и опять в свой ступор впала. Слушай, приезжай, я совершенно не знаю, что делать...

В голосе у обычно невозмутимого Юрки явственно звучала паника. Да и мне самому стало весьма тревожно. Данила для меня был не тем человеком, которому позволено было просто так пропасть из моей жизни.

– Ничего не делай, я буду минут через тридцать. – Я бросил трубку на рычаг и отправился в спальню. Там, не включая света, я начал быстро одеваться.

– Что случилось? – Голос Людмилы был напрочь лишен сна. Моя половина очень остро чувствует, когда у меня происходит какая-то неприятность.

– Знаешь, я сам ничего не понял... – постарался я ее успокоить. – Звонил Воронин – несет какой-то бред. Говорит, Данила пропал, и со Светкой ерунда какая-то. Поеду посмотрю.

– Я с тобой. – Она приподняла голову от подушки. – Сейчас маму разбужу, позавтракаем и поедем...

– Никого не надо будить. – Я положил ей руки на голые плечи и мягко толкнул назад в постель. – Я быстренько смотаюсь к Юрке, посмотрю и, если понадобится, позвоню тебе. Тогда ты приедешь.

Она немного подумала и согласилась.

– Хорошо, буду ждать твоего звонка. Только, пожалуйста, свою голову никуда не суй и помни, что на все случаи жизни в нашей стране есть спецслужбы. Тебе скорее всего понадобятся те, которые вызываются по телефонам 02 и 03. Записать?.. – Как же мне нравилась ее улыбка.

– Нет, записывать не надо. Я напрягу свое серое вещество и постараюсь запомнить. Так как ты сказала – 02, 01, 03 и 04. Очень хорошо!

– Илюш, я серьезно. Не суй свою голову куда не надо!

– Да понял, понял... – Я наклонился над ней и поцеловал ее «нашим» поцелуем. Она довольно мурлыкнула и спряталась под одеяло.

Я, уже вполне одетый, замешкался, подумав об оружии, но решил, что в данном случае мне вполне хватит тех четырех игл, которые оставались у меня под ногтями левой руки еще с полигона. Поэтому, сграбастав ключи с туалетного столика, я заторопился из спальни, ибо сильно засомневался в своей способности оставить Людмилу в одиночестве.

В прихожей меня ожидала Любовь Алексеевна.

– Илюша, ты куда в такую рань и без завтрака?

За ее напускной серьезностью чувствовалось такое беспокойство за меня, что в груди у меня защемило.

– Надо, мамочка, к Ворониным срочно подъехать. Юрка звонил. Я быстро, туда и обратно. А потом позавтракаем.

Она неодобрительно покачала головой, но пропустила меня к входной двери. Законы дружбы ставились ею очень высоко.

Во дворе уже светало. Раннее летнее московское утро, наполненное свежим воздухом и ночной прохладой, быстро прогнало остатки сна. Я подошел к своей старенькой «пятерке» и открыл дверцу.

Получив права, я купил подержанную машину. Мои друзья, особенно Брусничкин, твердили в один голос, что с моим характером да без водительской практики новую машину я разобью в две недели, а старенькую – не жалко. И я, от большого ума, послушал этих болтунов. Совет всем начинающим водителям – сразу садитесь за руль новой машины, если, конечно, вы не мечтаете стать механиком-самоучкой. Правда, моя «старушка» вела себя вполне достойно и еще ни разу меня серьезно не подвела. Через пару минут я отвалил от стоянки, а уже через полчаса подъезжал к дому Ворониных.

Когда я поднялся на четвертый этаж и позвонил, за обитой коричневой искожей дверью раздалась глухая возня, а потом явственно донесся голос Юрика:

– Да что ты с ума сходишь, Илюха это подъехал... Илюха. Да дай ты мне дверь открыть...

Наконец дверь распахнулась. За порогом стоял Воронин с исцарапанной физиономией. Одета на нем майка была разодрана в клочья. Из-за его спины выглядывала Светка. Ее лицо меня поразило. То есть это было безусловно ее лицо, только оно было совершенно неподвижно, словно какой-то гениальный художник вырезал из светлого дерева или отлил из раскрашенного воска точную копию Светкиной физиономии, а какой-то гениальный хирург пришил это творчество вместо живого лица. И еще! Похоже, моделью для творчества послужила Светкина посмертная маска. И на этой неподвижной личине горели страшные, напряженные, орущие глаза.

Длился этот взгляд одно мгновение, а затем глаза погасли, словно кто-то внутри повернул выключатель. Светлана еще раз скользнула по моему лицу уже пустыми, безразличными зрачками и, повернувшись, ушла в комнату. Юрка посторонился, и я вошел в квартиру.

Мы сразу прошли на кухню, уселись на табуреты около маленького столика, и я деловито спросил:

– Ну, что произошло? Рассказывай с самого начала, а то я по телефону ничего не понял.

Юрка с силой потер лоб, а затем привычно переместил пальцы правой руки на свой многострадальный нос. Только почесав эту выдающуюся часть своего лица, он как-то растерянно проговорил:

– Да я и не знаю, что рассказывать... Я проснулся без чего-то три. Мне показалось, что хлопнула входная дверь. Смотрю, Светки рядом нет. Я встал посмотреть, куда она делась. Выхожу в прихожую, а Светланка стоит у двери и лицо у нее... Ну ты уже видел... Я даже испугался, а она меня увидела, руки раскинула, дверь входную собой загораживает, меня на улицу не пускает. И молчит... Я к ней, а она как шваркнет меня когтями по роже и давай на мне майку драть. Я ее за руки схватил, ору: «Ты что, с ума сошла...» – а она меня все от дверей отпихивает. Ну я ее схватил в охапку и в спальню потащил.

Он посмотрел мне в глаза, словно проверяя, внимательно ли я его слушаю. Потом, помолчав, продолжил:

– Как только я из прихожей ее унес, она сразу и успокоилась. На кровать ее положил, говорю: «Сейчас водички тебе принесу...» – и на кухню. Воды с валерьянкой принес, а она лежит и даже губ не разжимает, как деревяшка. А лицо какое!.. Я кружку на кухню понес, дай, думаю, к Даниле зайду, посмотрю, не разбудили мы его своей потасовкой. Захожу, а

комната пустая. Я еще под кровать заглянул... – Глаза у Юрки остановились, и он словно весь ушел в себя.

Я встал, открыл дверцу холодильника и достал початую бутылку коньяка. Булькнув в стоящую на столике кружку граммов пятьдесят, я толкнул ее в сторону Юрика. Тот подхватил кружку и недоумевающе уставился на нее, а затем одним махом выплеснул ее содержимое себе в рот. Его рука с кружкой на несколько секунд застыла над запрокинутым лицом, а когда опустилась, я увидел, что у него из-под закрытых век катятся слезы.

Я кашлянул, выталкивая комок из собственного горла, и хрипловато спросил:

– А что вчера вечером было? Что Данила делал? Чем вы вообще вчера вечером занимались?

– Ничем мы не занимались... Я с работы пришел, Данила дома был. Мы с ним поужинали, потом телевизор смотрели, потом он лег в постель, читал что-то. Я тоже с книгой сидел, Светку ждал. Она вчера на свои моления ходила...

– На какие моления?... – изумился я. Мне было прекрасно известно Светкино отношение ко всякого рода религиям и конфессиям. Ее любимым афоризмом было известное высказывание Остапа Бендера насчет опиума для народа. И вдруг – моления!

Юркина физиономия скривилась.

– Да уже месяца три... – Он замолчал, подыскивая слова. – Не знаю, как она к ним попала, а уже месяца три то какие-то листовки разносит, то на улице к прохожим с глупыми вопросами пристаёт, а два раза в неделю ездит на... «общие собрания». Я один раз с ней пошел. Бред какой-то. Сначала по двое, по трое на сцену выходят, о проделанной работе докладывают и каются в каких-то грехах. Грехи – говорить смешно. Кто кошке на хвост наступил, кто ребенка по попе шлепнул, а излагают – можно подумать, что человек шесть в подъезде кистенем замочил. – Юрка фыркнул и покрутил головой.

Потом дедок какой-то на сцену вылез и начал собравшихся стыдить. Потом какой-то короткометражный фильм крутили, о деяниях ихнего главного, так после фильма этого троих без сознания вынесли. Мы когда вышли, я ей все высказал, а она мало что драться не полезла. Ты, говорит, чурка бесчувственная, думаешь только о себе, подумай о сыне – ему, говорит, стыдно за родителей будет, которые ничего не сделали для его спасения... Ну в общем, полный бред. – Он замолчал и покосился на бутылку с остатками коньяка.

– И конечно, пожертвования собирали?..

Он посмотрел на меня совершенно трезвым взглядом.

– Нет, ты знаешь, о деньгах ни слова...

– Странная какая секта... из не нуждающихся!.. И как эти бессребреники себя называют?

– Ну, эти... дети Единого-Сущего...

Вот это была неожиданность!..

– Ты хочешь сказать, что Светка вступила в секту?!

– Я не знаю, вступила она или на общественных началах помогает... – Юрка опять скривился, а потом неожиданно заорал: – Ну что, ты не знаешь, с ней же спорить невозможно, она никого не слушает, все делает по-своему. Ну и пусть ходит к своим «детишкам»!..

Юрка отвернулся, а затем вскочил и выбежал из кухни. Через секунду он вернулся и швырнул на стол листок бумаги.

– Вот, смотри, что она по подъездам разносит, по почтовым ящикам! Я ее предупреждал, что когда-нибудь им по шеем нададут!

Я взял листочек в руки. На плотной, глянцевої бумаге красивым, с завитушками, шрифтом было выведено: «Если ты согнулся под бедами и несправедливостями мира. Если тебе не вмоготу противостоять царствующему злу, если тебе нужны поддержка и понимание,

приходи к нам. Дети Единого-Сущего знают путь надежды и правды. Вместе мы войдем в царство добра и справедливости». Дальше шли адреса и контактные телефоны.

Так... Светка – сектантка! В моей голове сей факт не укладывался, но это означало только то, что моя голова, по-видимому, не обладала необходимым объемом!

Я встал и сунул листочек в карман.

– Пойдем-ка в комнату Данилы, посмотрим.

Юрка тяжело поднялся и направился в коридор. Я двинулся за ним. В маленькой комнате трехкомнатной воронинской квартиры, в которой проживал мой друг – Данила, ничего особенного я не увидел. Постель была разобрана и смята, как будто ребенок на минутку поднялся и вышел, ну например, в туалет. На столе аккуратной стопкой лежали тетради и учебники. Небольшой шкаф был закрыт. Даже маленькие тапочки лежали на ковре возле кровати.

– Ну и в чем же твой сын сбежал из дому? – с нарочитым смешком спросил я у Воронина. Тот растерянно заморгал, потом оглядел комнату, открыл шкаф и заглянул в него, почесал свой нос и задумчиво констатировал:

– В синих спортивных трусах, желтой футболке с Микки-Маусом и, похоже, босиком, его сандалии стоят в прихожей... – Юрка уставился на меня.

– Харчами он, похоже, тоже не запасаю, – подвел я итог. – Пойдем-ка поговорим со Светкой.

– Да я же тебе говорю – молчит она. С самой ночи ни слова... – Он замолчал, уставившись на меня широко открытыми глазами. – Ты знаешь, а ведь она с самого вечера молчит. Как домой пришла, сразу переоделась и в постель легла. Я еще ее спросил, будет ли она ужинать, а она молча шасть под одеяло, и носом к стенке...

Я двинулся в воронинскую спальню. Светка лежала на спине, накрытая одеялом до подбородка. Широко открытые, бессмысленные, словно стеклянные глаза уставились не моргая в потолок. Я присел на стоящий рядом с кроватью пуф. Юрка встал в дверях, с недоумением и мукой уставившись на свою жену. В комнате повисло молчание. Немного погодя, я провел задрожавшими пальцами по своему лбу и тихо сказал:

– Вера...

Молчание.

– Святой... – продолжил я.

Молчание.

– Единый... – не унимался я.

– Сущий... – слетело с сухих, неподвижных Светкиных губ.

Юрка в дверях вздрогнул от неожиданности и часто заморгал. Я помолчал и продолжил:

– Путь...

– Правды и добра... – прошелестело в ответ.

– Дети...

– Единого-Сущего...

– Данила...

Ее глаза расширились, зажглись уже знакомым яростным огнем и, словно загнанные зверьки, метнулись к моему лицу.

– Спасен... спасен... спасен... – Ее голос с шепота перешел в хриплый крик, а затем в визг, тело задергалось, руки вынырнули из-под одеяла и скрюченными пальцами заскребли вокруг извивающегося тела. Затем она вдруг выгнулась дугой, запрокинув голову назад и рискуя сломать себе шею, а по комнате метался страшный визгливый вопль: – Спасен... спасен... спасен...

Мы с Ворониным с двух сторон навалились на Светку, пытаюсь удержать ее на кровати. Она вырывалась из неуклюжих Юркиных рук, продолжая безумно орать, а Воронин хрипел сквозь пододеяльник, оказавшийся у него на голове:

– Сделай же хоть что-нибудь!..

И тогда я прокричал, перекрывая Светкин визг:

– Единый!..

Ее тело сразу обмякло, руки упали на простыню, глаза остекленели, а искусанные сухие губы тихо прошептали:

– Сущий...

Мы с Ворониным отвалились от кровати и сели на пол. Несколько минут в комнате было слышно только наше хриплое дыхание. Потом Юрка поднялся, поправил на Светке ночную рубашку и прикрыл ее одеялом. До подбородка.

Я поднялся с пола и отошел к дверям. Мне не хотелось смотреть Юрке в лицо, потому что я начал понимать, что произошло с его женой. Прикрыв глаза, я расслабился и начал считать про себя, перебирая в уме арабские цифры. На цифре четырнадцать я почувствовал, что полностью успокоился, и начал сосредоточиваться на предстоящей задаче. Наконец под опущенными веками разлилась ровная, бесцветная серь, а все звуки вокруг затихли, словно в уши мне натолкали ваты. И тогда я принялся читать свое коротенькое заклинание.

Открыв глаза, я увидел следы. От Юрки тянулся яркий тоненький зеленоватый следок, исчезающий за дверью спальни. А лежавшая Светлана была окутана странной прозрачной черной вуалью, из которой выныривала абсолютно черная, угольная ниточка следа. Это было неправильно. Не может живой человек иметь такой черный след. Не может!

Я двинулся в спальню Данилы. Прямо от кровати к двери комнаты и оттуда в прихожую тянулась яркая голубенькая ниточка. Почему-то я всегда думал, что у Данилки должен быть именно голубенький следок. Я двинулся в прихожую. Голубая ниточка ныряла за дверь. Я открыл входную дверь, и тут же у меня за спиной раздался голос Воронина:

– Ты далеко?..

– Сейчас вернусь, – бросил я не оглядываясь и двинулся вниз по ступеням. След вывел меня во двор, а затем привел к мостовой. Там голубая ниточка повисла над асфальтом проезжей части и потянулась в сторону центра Москвы.

Значит, Данилу увезли на машине. И, что самое неприятное, Данилу к этой машине вывела сама мать. Да, да, Светка сама вывела Данилу на улицу и посадила в машину. Ее черный след вился вокруг голубой ниточки и был сдвоенным. Было ясно видно, где они расстались и как она шла назад одна. Тяжело шла. Я вернулся в дом и, взбежав на четвертый этаж, увидел в дверях Юрку.

– Я боялся, что ты уедешь... – тоскливо произнес он.

– Вот что, друг мой, – бодро начал я, – Данилу увезли на машине. Я поеду следом и попробую его вернуть, ничего плохого, я надеюсь, ему не сделают. Ты оставайся со Светланой и вызывай ей «Скорую помощь». Простую и психиатрическую. Такая у нас тоже есть. Должен тебе сказать, дела у нее очень плохи. Поэтому ты постарайся быть рядом. Даже в больнице. В крайнем случае, если будут какие-то сложности, позвони вот по этому телефону.

Я вытащил свою визитку и нацарапал на ней обычный, домашний номер телефона Антипа.

– Скажешь, что я просил помочь поместить Светку в клинику Кащенко.

Юрка дернулся, как от удара в лицо. Физиономия его скривилась.

– И не дергайся, – я повысил голос, – будь мужиком! Драться придется, а ты раскисаешь!

– Может, подождешь? Светку отправим, и я с тобой поеду?

– Нет. Я поеду один. Ты возле жены должен быть. Не раскисай... – еще раз напомнил я и, дернув Воронина за обрывки майки, побежал вниз по лестнице.

3. ПОИСК

Если вам обещают чудо – берегитесь!..

Разогретый двигатель завелся сразу. Выехав на шоссе, я двинулся за голубой ниточкой следа, отчетливо видной на фоне темной мостовой и бордового капота. Теперь самое главное – время. Надо спешить, но при этом не нарушать правила дорожного движения. Конечно, в пять утра даже на московских улицах достаточно просторно, но ГИБДД не дремлет и ранним утром.

Машина ровно шла в сторону центра. Доведя меня до Таганской площади, след свернул вправо, нырнул вниз и из-под эстакады вывел меня на Садовое кольцо. Я хотел бы надеяться, что похититель обосновался где-то в Москве, но сердце подсказывало мне, что скорее всего Данилу увезли из города. Нитка следа лежала над крайней левой полосой, практически не переходя на другие полосы. Что ж, похоже, машина, на которой увозили Данилу, шла с приличной скоростью и не замечала следов. Впрочем, о каких следах можно говорить.

Рука автоматически передергивала ручку коробки скоростей, подошвы кроссовок энергично топтали педали, глаза следили за знаками, светофорами и голубенькой путеводной ниточкой, а в голове металось: «Светка – сектантка... Бред...» По Садовому кольцу я без приключений добрался до Смоленской площади, а здесь мой голубой поводок повернул направо и через мост мимо Киевского вокзала вывел меня на Кутузовский проспект. «Фешенебельный район... – подумалось мне. – Здесь обитают интеллигентные люди. Сектанты здесь обосноваться не могут...» Господи, а что я вообще знаю о сектах и сектантах, с которыми мне, вполне возможно очень скоро, придется столкнуться нос к носу? И зачем им Данила?

А память тут же начала раскручивать свой жесткий диск.

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Вообще при слове «секта» в голову в первую очередь приходят различные религиозные названия. Отечественные, истинно русские – старообрядцы, духоборы, молокане, хлысты, какие-то малопонятные трясун-субботники, скопцы и прыгуны, а также занесенные с просвещенного Запада пятидесятники, адвентисты, методисты, баптисты, квакеры, свидетели Иеговы (почему свидетели?).

Все это богатство религиозных мировоззрений, предлагаемое нашим досточтимым предкам, представляло собой творчески переработанное в различных направлениях, но такое родное и хорошо знакомое христианство. Ну кому-то не хотелось креститься тремя перстами, и он убегал на север или на юг, чтобы там креститься двумя пальцами. Или кого-то жутко напрягало ходить в церковь и признавать духовное превосходство «батюшки», и он отстраивал, как правило на чужие деньги, свой собственный молельный дом, в котором сам становился самым крутым богословом. Некоторым противно было смотреть на роскошь церковных одеяний, убранства и священных предметов, и они объявляли всякую роскошь непотребством и начинали бороться за церковный аскетизм, для чего, естественно, организовывали свою, самую хорошую и правильную веру, но опять-таки на испытанном фундаменте признанного мировоззрения Христа. С Христом вообще уже очень давно спорить не принято, а тем более его опровергать.

Так что во времена оные, несмотря на ряд разногласий, серьезных и не очень, официальная государственная религия, как правило, резко осуждая заблудших и упорствующих сектантов, находила с ними «консенсус». Особенно с сектантами, имевшими «большое народнохозяйственное значение», сиречь с крупными купцами, промышленниками и тому подобным людям. Они, как сейчас принято говорить, заняли свою нишу и в деловом мире, и в духовно-мистическом.

И таких религиозных самостийников в Российской империи было больше миллиона! Наша родная Советская власть только слегка потрепала их ряды, как, впрочем, и ряды традиционных конфессий, а потом снова все «устаканилось».

Но вот с приходом демократии и плюрализма на просторы нашей Родины двинулись совершенно неизвестные досель россиянам эзотерические знания и идеи. Мы узнали о существовании совершенно непонятных простым людям махдистов и бабидов. Нас познакомили с непримиримой яростью ваххабитов, от которых почему-то в первую очередь страдали правоверные мусульмане. Мы увидели на улицах Москвы бритые головы оранжево-красно одетых, простодушно улыбающихся ребяташек, которые водили хороводы на мостовых под простенькую мелодию «Хари Кришны, хари Рамы». И среди этих прилюдно веселящихся оригинальных индивидуумов замелькали чисто русские хари, а по стране поползли леденящие душу рассказы о порядках, царящих внутри этих веселых хороводов.

Потом на улицах и площадях любимой столицы стали попадаться группы молодых в основном людей с черными, густыми, странного вида бакенбардами, такими же, только более неопрятными бородами, с торчащими из-под широкополых черных шляп космами, в застегнутых до подбородка черных прямых пальто. Постепенно основная масса этих молодых стала группироваться около Ленинской библиотеки, которую к тому времени успели переименовать в Российскую государственную. Наши неподражаемые средства массовой информации сообщили нам, что это не то саббатисты, не то франкисты, не то хасиды, ну, в общем, какие-то особенные евреи. Правда, потом выяснилось, что от знакомых и родных иудеев их отличает только настоятельное требование передать половину библиотечного фонда Ленинки, то бишь Российской государственной библиотеки в их личное распоряжение. Ничего себе секта?!

И все-таки эти милые неумные люди имели хоть какое-то отношение хоть к какой-то религии. А вот потом началось...

Сначала к нам перебралась секта имени гербалайфа, которая в нашей России сразу получила широкое развитие. Гербалайф, как нам объяснили приезжие миссионеры, это такое божество в виде пищевых деликатесов. С любым толстым человеком, принимавшим его внутрь вместо обычной еды, происходило чудо – он мгновенно худел. А любая худышка, после такой же процедуры, так же, словно по волшебству, принимала округлые формы. Причем все это происходило чудесным образом на прочной научной основе. И никаких побочных явлений, кроме впадания потребляющих чудесную «пищцу» в отличное расположение духа.

Народ метнулся к новому заморскому чуду в основном в поисках отличного расположения духа, поскольку худеть на наших родных просторах стало довольно просто, а полнеть как-то неприлично. Но оказалось, что стоимость одной порции заморского чудесного деликатеса вполне сопоставима с недельным бюджетом средней российской семьи, а кроме того, у большинства употребивших зарубежное чудо внутри развилось стойкое расстройство различных внутренних органов.

И вообще, оказалось, что главным божеством этой замечательной новой секты являлся совсем не гербалайф, не здоровье и не забота о ближнем, а доллар, доллар и еще раз доллар. Кому довелось побывать на бдениях адептов нового учения, без сомнения, навсегда запомнил, с каким восторгом и упоением повествовали они с высокой трибуны о том, сколько этих

милых бумажек блекло-зеленого цвета им удалось выколотить из доверчивых земляков. А в конце всеобщего радостного бдения на помост выходил холеный, в дорогом костюме и одеколоне мужик, оказывавшийся главой местного отделения данной секты и полномочным представителем главного гербалайфщика. Поздравив всех отличившихся, он призывал присутствующих напрячь все силы в борьбе за обладание верховным божеством, то бишь долларом, обещая особо приобщившимся рай на райских островах (правда, временный – недели этак на две). А затем происходила активная вербовка новых уверовавших, сопровождавшаяся сбором все тех же долларов, а также рублей, крон, марок и тому подобных проявлений верховного божества.

Когда основная масса нашего населения раскусила (прошу прощения за каламбур) гербалайф, секта гербалайфщиков поблекла и съезжилась, а над нашей некогда могучей Родиной с востока пронеслась комета Аум Синрикё, а на западе зажглась новая под броским названием «Сайентология».

Аум Синрикё представила России нового вполне живого бога, под тем же именем рожденного на берегах экзотической Японии. Живой бог посетил несчастную, но такую огромную Россию и благословил некоторых ее вождей, а также запланировал открытие различного ранга учебно-воспитательных заведений для подготовки русских «аум-синрикёмчиков».

Сайентологи, в свою очередь, начали активное распространение нового «Нового Завета» апостола Рона Хаббарда под названием «Дианетика».

И те, и другие обещали чудесное и скорое избавление от всех обрушившихся на россиян невзгод. И при этом никаких расходов, «акромя» веры.

Неповоротливая Россия только начала медленно разворачиваться в сторону своего шустрого восточного соседа, как неумные синрикемисты напустили полное токийское метро боевого отравляющего зорина. Этим они настолько дискредитировали себя, что благословленные российские руководители вынуждены были прекратить подготовку к прививке экзотического японского эзотерического откровения на неплодородную отечественную почву. И даже вернуть полученные для проведения этой гуманитарной работы авансы.

Сайентологи, активно учившие россиян плевать на все и жить для себя, вдруг были подло дискредитированы своими же западными друзьями, наложившими запрет на их просветительскую деятельность в большинстве развитых западных стран.

Но России не дали скучать. После некоторой заминки на горизонте среди прочей мелкоты появилась организация под названием «Дети Единого-Сущего». Ее лидеры не рвались к известности и не ставили явно меркантильных целей, они не были чрезмерно навязчивыми, но о них уже знали и зачастую считали солидной религиозной организацией, проводящей широкую благотворительную деятельность. И все-таки они были пока что одними из многих.

Память услужливо показала, как я впервые увидел рекламу этой милой компании. На фоне размеренно вращающейся оранжевой спирали мелькали маленькие довольно улыбающиеся лица, а голос за кадром спокойно и размеренно вещал: «Если ты устал от грязи и несправедливости окружающего мира, если тебе неважно больше выносить воцарившуюся ложь и нищету, если ты ищешь мира и спокойствия – приходи к нам. Только дети Единого-Сущего знают дорогу к добру и справедливости».

Я вспомнил, как инстинктивно нажал на кнопку пульта, переключаясь на другой канал. Но и на другом канале через несколько минут услышал те же слова в сопровождении тех же улыбающихся личиков, мелькавших на фоне качающегося маятника – бледной белой цепочки со сверкающим камнем на конце. Изготовители рекламы пытались примитивно воздействовать на мое подсознание с помощью простейшего гипноза. Я вспомнил, как сразу представил миллионы людей, бессмысленно пляшущих в экраны и не подозревающих, что они попали под психическую обработку. А вот что им внушали и зачем?..

И вдруг мое живое воображение подсуло мне яркую картинку, на которой моя Людмила, только что отдав одеяльный кулек с Володькой какому-нибудь мессии, орет, дергаясь и выгибаясь под моими руками: «Спасен!..» У меня мгновенно свело челюсти, ладони и лоб стали мокрыми и противно липкими, а нога так уперлась в педаль, что мотор негодующе взревел и машина дернулась вперед.

ПОИСК (продолжение)

Я сбросил ногу с педали газа, провел рукой по лбу и, тряхнув головой, огляделся. Моя старушка уже оставила позади фешенебельный проспект, прошла по эстакаде над кольцевой дорогой и теперь бодро бежала по Минскому шоссе, унося меня в Московскую область.

Голубая ниточка следа шла ровно над крайней левой полосой шоссе. Я снова надавил на педаль газа. И вдруг через несколько сотен метров мой голубой проводничок метнулся вправо, я чисто автоматически метнулся за ним и тут же увидел на обочине фигуру здорового мужика, нарядившегося в кожаную куртку, широченные галифе и хромовые сапоги. На голове у него красовался белый шлем, а на руках – белые краги. Инспектор гостеприимно предлагал мне пообщаться. Я выругался про себя. Ведь знал, что гаишники особенно бдительны рано утром, после скучной бессонной ночи. Хотя какое там раннее утро – уже седьмой час.

Затормозив, я вылез из машины и стоя оглядывал подходящего офицера.

– Инспектор первого особого отряда ГИБДД, старший лейтенант Чернов, – кинул он к шлему правую крагу. – Что ж это вы, товарищ водитель, на такой машине еще и скорость превышаете? – Он выдернул у меня из пальцев права и медленно пошел вокруг моей машины.

– Или может, вы, товарищ Милин, Илья Евгеньевич, каскадером работаете, к трюкам готовитесь?

– Ну что вы, товарищ старший лейтенант, – вспомнил я отмирающее обращение, – какой каскадер, какие трюки. Просто семью не видел неделю, вот тороплюсь к ним на дачу. Задумался, а нога сама давит на газ, в предвкушении... Ну и дорога пустая, обзор хороший... – наметнул я на то обстоятельство, что вроде бы не создавал аварийной ситуации.

– Вот-вот! Этот на «мерседесе» тоже на пустую дорогу ссылаясь. – Старлей, похоже, был из говорливых. – На моей машине да по пустой дороге грех, говорит, меньше ста двадцати идти. Я ему на это – грех правила дорожного движения нарушать. Это другие грехи замолить можно, а с этим инспектор ГИБДД разбираться будет. Он тебе не боженька, свечечкой не отделаешься.

Я, как мне показалось, к месту подхихикнул, а старлей гневно глянул на меня и вдруг зарычал:

– А эта гнида сто долларов из кармана тянет: «Этим отделаюсь?!» Если бы не мальчонка его, пошел бы он у меня в свой санаторий пешком. Ну да ничего, месяца три без прав покантуется, научится лопатник свой в кармане держать...

– Какой мальчонка? – встрепнулся я.

– Да на заднем сиденье у этой гниды мальчонка лежал. Бледный такой, белобрысенький. Этот водила говорит – племянник его. Везу его, говорит, в санаторий профессору показать. Припадки, что ль, какие-то у мальчишки... Права я отобрал, а самого отпустил – мальчишку жалко...

– А мальчик с длинными волосами, голубоглазый, в синих трусиках и желтой футболке? На ней еще Микки-Маус нарисован...

Инспектор с интересом взглянул на меня.

– Какие глаза у него, я не знаю, он спал. А в остальном ты все точно описал...

– Может, это Витька, сосед мой по даче. Тоже недавно «мерседес» подержанный купил, нос стал задирать... – начал выкручиваться я под внимательным взглядом инспектора.

– Нет. Это не Витька... – Инспектор усмехнулся. – Этого типа кличут Хряпин Эммануил Митрофанович. Он теперь у меня на особой заметке. У меня знаешь память какая? – Чернов значительно на меня посмотрел. – Ты, товарищ Милин, Илья Евгеньевич, теперь знай, я тебя запомнил. Еще раз скорость превысишь – пеняй на себя, получишь на полную катушку. А теперь спеши к семье, да на газ не дави, кардан потеряешь. – Он сунул мне в руку права, улыбнулся, козырнул и зашагал в сторону спрятанной в придорожных кустах «Волги».

Я полез в свою «пятерку». Значит, Данилу везут на «мерседесе», и вполне вероятно, в какой-то санаторий. Включив левую мигалку, я аккуратно тронул машину и вывел ее на шоссе мимо разговорчивого старшего лейтенанта.

Серая лента шоссе снова начала разматывать свои километры под колесами моей машины. Скоро остался позади поворот на Одинцово, затем поворот на Голицыно. Оба перекрестка я проскочил, не останавливаясь на подвернувшийся зеленый светофор, и счел это хорошим предзнаменованием. Правда, я не надеялся догнать «мерседес», имевший почти два часа форы. Для этого надо было, чтобы его «насовсем» остановил какой-нибудь бдительный инспектор.

Спустя несколько однообразных минут показался съезд в сторону Кубинки. А у памятника Зое Космодемьянской голубая нить следа потянулась вправо, в сторону Рузы. Дорога сразу сузилась и запетляла. Еще через несколько километров след нырнул влево под «кирпич» на асфальтовую одностороннюю, под сень густого леса с непроходимым подлеском. Сразу стало темно и сыро. Потянуло запахом прелой листвы и влажной глины. Я сбросил скорость и осторожно крался по темному от сырости асфальту.

Скоро дорога резко вильнула вправо, и бампер «пятерки» уперся в наглухо закрытые железные ворота. Над воротами, на широком железном листе, аркой накрывающем въезд, по темно-зеленому фону желтой краской было выведено: «Санаторий „Лесная глушь“». Створки стягивал здоровенный заржавленный замок, который, казалось, открывали последний раз сразу после Куликовской битвы.

Я передернул рычаг и задним ходом отогнал машину назад по асфальту за поворот и в придорожные кусты. Потом подумал и развернул машину носом прочь от ворот. Выбравшись из машины, я захлопнул дверцу и с наслаждением надавил кнопку брелка-пульта центрального замка, внутренне усмехаясь, вспоминая, как веселился Брусничкин, узнав, что на шестилетней «пятерке» я установил центральный замок. Зато теперь я мог открыть машину и двинуться в путь в считанные секунды. А секунды, похоже, мне придется считать очень тщательно!

Удостоверившись еще раз в том, что машина не забуксует, когда будет включена первая передача, я направился назад к воротам. На столбе между воротами и калиткой висела под стеклом пояснительная табличка: «Министерство легкой промышленности СССР. Главное хозяйственное управление. Санаторий „Лесная глушь“. Посторонним вход воспрещен», а ниже на грубом куске картона черным фломастером коряво выведено: «Территория охраняется собаками!» Калитка была примотана к столбу куском старой медной проволоки и не представляла непреодолимой преграды для такого опытного взломщика, каким был я.

Дорога, поднырнув под ворота, сразу резко поворачивала направо, и взгляд упирался в зеленую стену леса, за которой ничего не было слышно, кроме утреннего пересвиста невидимых птиц. Я разматал проволоку и толкнул створку калитки. Та противно взвизгнула и распахнулась. Путь был открыт. Вот только куда? Я присел под столбом, сильно сжал левый кулак и затем резко его разжал. На ладони вспыхнули семь зеленых звездочек, а в моей голове тут же раздался недовольный голос Антипа. «Ты пораньше позвать не мог!.. Знаешь же, что я до девяти ничего не соображаю!..»

«Я и так терпел сколько мог, – подумал я. – Позднее, наверное, вообще не смогу связаться...» Я коротко поведал Антипу события сегодняшнего утра, рассказал, в каком состоянии оставил Светку. Сообщил, где и с какой целью нахожусь.

«Сейчас иду на территорию этого санатория. Данилкин след очень хорошо виден...» – закончил я.

«Все понял... – быстро проснулся Антип. – Будешь уходить, свяжись со мной из машины, я постараюсь тебя прикрыть. За Светлану не беспокойся, сделаю все, что можно. Давай...» – И связь отключилась. Звездочки на ладони – мой знак ученика и сигнал связи с учителем – давно погасли. Я поднялся с травы и шагнул в калитку.

4. ПОБЕГ

...Всегда помните, что безвыходных положений не бывает. Даже если вас проглотили, есть как минимум два выхода!..

А за калиткой стояла тишина. Птичий щебет как-то сразу смолк, деревья стояли совершенно неподвижно, хотя волосы на моей голове шевелил легкий ветерок, не слышно было и насекомых. Тишина. Я медленно, прогулочным шагом двигался по краю асфальтированной полосы. Голубая ниточка висела над ее серединой. Вот и поворот. Я осторожно, медленно прошагал его. Ворота и калитка скрылись из виду. Зато впереди, метрах в двухстах, я увидел разрыв в лесной зелени, залитое солнцем пространство цветника и трехэтажное деревянное здание, оштукатуренное и окрашенное в бледно-розовый цвет. Тем же медленным шагом я двинулся дальше. Пока что никакой охраны, в том числе и обещанных собак, видно не было.

Через несколько минут я вышел из-под прятавших меня деревьев на открытое место. Окружающий пейзаж более всего напоминал мне пионерский лагерь, в котором я имел счастье побывать только раз. Большая территория хорошо расчищенного леса, на которой сохранилось только несколько высоких медно-красных сосен, была огорожена высоким, явно новым забором. Кое-где забор нырял в уже знакомый мне густой, нетронутый лес, но было件нятно, что огораживает он всю территорию. На расчищенном пространстве были разбиты цветочные клумбы, проложены посыпанные желтым песком дорожки, стояли детские качели, длинный деревянный сарай с облупившейся надписью сбоку «Тир». Быстро окинув взглядом окружающую обстановку, я двинулся по пустой дороге к розовому зданию. Мне уже было видно, что приведший меня сюда след исчезает за дверями этого приветливого домика.

Я подошел к зданию с боковой стороны и осторожно заглянул в низкое окно первого этажа. Сразу стало ясно, почему территория санатория не заполнена радостными отдыхающими. Радостные отдыхающие располагались в столовой и наслаждались завтраком. Правда, мне подумалось, что для завтрака, пожалуй, рановато, но я видел, что два десятка людей разного возраста сидят за столами по четверо и что-то сосредоточенно жуют.

За столом, расположенным прямо возле окна, в которое я заглядывал, сидели две женщины в одинаковых синих халатах и два мужика в пижамных брюках. Меня даже передернуло от возмущения – как же можно садиться за стол с женщинами, не накинув даже маек. Но уже через мгновение мне стало не до возмущений. Я увидел лица этих ребят. Уже виденная мной маска Светкиного лица повторялась здесь еще в двух вариантах. Парни сидели совершенно неподвижно, не обращая внимания на своих соседей по столу. На застывших лицах двигались только челюсти, пережевывая пищу. Потухшие бессмысленные глаза, не моргая, уставились в одну точку. Даже головы не поворачивались на неподвижных шеях, словно были поджаты изнутри контргайками. Только иногда правая рука, абсолютно самостоятельно, отрывалась от стола, чтобы вложить в рот очередную порцию какой-то еды.

И конечно, за столами никто не разговаривал. Хотя женщины, составлявшие компанию этим механическим молодцам, выглядели вполне нормально, только необычайно хрупко. Маленького роста, с тоненькими ручками эти леди скорее напоминали девочек, но их лица говорили о том, что они уже давно миновали возраст нимфеток. И еще у них были совершенно одинаковые волосы: абсолютно черные, с редко мелькающей сединой, одинаково зачесанные набок и собранные в хвост. Они в отличие от соседей по столу пользовались столовыми приборами, переглядывались и посматривали по сторонам. И еще во время своего беглого осмотра столовой я заметил первого охранника. Невысокий, можно даже сказать –

маленький, мужчина расхаживал между столами, поглядывая по сторонам. А на его правом запястье, на коротком ремешке, покачивался электрошокер.

Насладившись трехсекундным лицезрением завтрака пациентов санатория, я двинулся вдоль стены в сторону фасада здания. Завернув за угол и подныривая под окна, я приблизился к неожиданно высокому, выступающему далеко вперед крыльцу, оформленному в виде античного портика и даже имевшему четыре колонны из растрескавшихся деревянных стволов. Затем я пригнулся за высокими перилами и услышал очень интересный разговор.

– ...когда шеф появится. А то у меня последняя пачка осталась. Ты же знаешь, я по пачке в день выкуриваю.

– Надо было Хряпе сказать, он ночью в Москву мотался.

– Зачем?

Раздался смешок, а затем плевок.

– Это ты сам у него спроси. Я не любопытный.

– Я тоже. Меня вообще ничего не колышет. Только без сигарет не могу.

– Ага, и без Зинки. Думаешь, не знаю, как вы на пару «курите».

Снова раздался смешок.

– Слушай, за что я тебя люблю, так это за твою осведомленность. И про Зинку ты знаешь, и про Хряпу ты знаешь, может, ты и про шефа знаешь – откуда он берется и куда потом девается? То все здесь и здесь, а то его вдруг нет. На «мерседесе» ведь только Хряпа катается.

– Нет, я знаю только то, что меня интересует. А шеф меня совсем не интересует. Здесь он – значит ему надо быть здесь, нет его здесь – значит надо ему быть в другом месте. Мало ли какие дела у профессора? Поэтому я здесь уже четвертый месяц и надеюсь еще годок здесь побыть. Тогда у меня хватит гринов, чтобы за бугор смотать и там спокойно жить. Вот там я себе «Зинку» и заведу. И тебе торопиться не советую... – осторожный снова усмехнулся, – ...за «сигаретами».

– А я и не тороплюсь. В крайности у Хряпы спрошу...

– Вот-вот, у Хряпы спроси. Очень интересно, что он тебе ответит... Только вряд ли ты его сейчас найдешь, он из Москвы приехал и к профессору двинул. – Говоривший сплюнул и немного помолчал. – Ладно, я на чердак, посмотрю периметр, ты давай в подвал, а потом к забору пойдем. За детской песочницей в лесу целую секцию повалили. Не то лось, не то опять деревенские балуют. Надо будет Хряпе сказать, чтобы он попросил профессора еще разок послать им пару своих «пациентов», а то они опять забываться стали.

Над моей головой пролетел окурок.

– И окурки ты зря разбрасываешь. Хряпа узнает, на первый раз выпорет, а там... Сходи подними.

– Откуда это Хряпа узнает. Этот окурок сейчас и не найдешь...

– Подними... – Голос звучал спокойно, но в нем была такая угроза, что я невольно попятился назад к стене здания. И как оказалось – вовремя. Скрипнула входная дверь и одновременно по ступеням крыльца затопали ноги. Я вжался в угол между стеной дома и крыльцом, прикрыл глаза и расслабился. Перед моим лицом словно над горячим железным листом заструился воздух.

Из-за крыльца появился высокий молодой парень, наряженный в камуфляж, с черной полоской над правым нагрудным карманом, на которой было выведено «Охрана». Он медленно переставлял ноги и шарил глазами по коротко подстриженной траве газона. Через несколько секунд он наклонился и поднял брошенный окурок. Не разгибаясь, он ткнул окурком в землю, а затем, воровато оглядевшись, выдернул кустик травы и сунул под него свой окурок. Приладив травку на место, он придавил ее подошвой армейского ботинка, махнул ладонью о ладонь, отряхивая землю, и удовлетворенно пробормотал:

– Вот так, а то еще карманы пачкать... – С довольной рожей он оглядел окрестности, мазнув по мне невидящим взглядом, и двинулся к крыльцу, бормоча себе под нос: – В подвал... Что в этом подвале делать?... Пустые стены и ни одной бабы... – Снова скрипнула входная дверь.

Я вышел из своего угла и тоже двинулся к крыльцу. Поднявшись по ступенькам, я подошел к высоким, окрашенным в зеленый цвет, двойным дверям и прислушался. За дверями было тихо. Голубой след входил в правую створку, и я потянул ее за скобу ручки. Дверь, скрипнув, отворилась. Я шагнул внутрь здания. Моя путеводная ниточка тянулась влево по пустому коридору. Крадучись я направился за ней. Коридор повернул направо, и след, сразу за поворотом, ткнулся в закрытую дверь. Я потянул за ручку, и дверь, на этот раз бесшумно, отворилась. За ней находилась лестничная площадка. Ниточка следа ныряла вниз. Я прислушался. Внизу по деревянным ступенькам шлепали ботинки и раздавалось знакомое ворчание:

– ...Двадцать раз на день в этот подвал лазишь, голые стены разглядывать... – Охрана совершала обход.

Я, аккуратно ставя ноги на ступеньки, последовал за охранником. По мере спуска, а лестница имела три пролета вниз, освещение становилось все слабее, пока наконец не установился ровный полумрак. Охранник шел уверенно, явно никого не надеясь повстречать в подлежащем осмотру месте. Спустившись по последнему пролету, я оказался на каменном полу высокого сводчатого подвала, стены и своды которого были выложены красным, хорошо обожженным кирпичом. Сырости в подвале совершенно не ощущалось. Похоже, это сооружение было изготовлено две-три сотни лет назад. Оно слишком уж не гармонировало со стоящим над ним советским деревянным зодчеством.

Я сразу увидел охранника и поспешил отступить в тень лестницы. Тот вел себя достаточно странно – касаясь правой рукой кирпичной стены, он медленно двигался вдоль нее по совершенно пустому подвалу и при этом глядел себе под ноги. На противоположной от лестницы стене подвала темнел проем коридора, отделанного тем же кирпичом. Охранник медленно приближался к проему в стене, и я приготовился последовать за ним, как только он двинется по коридору – ниточка следа вела именно в этот коридор.

Однако, дойдя до проема, охранник слегка запнулся, а затем двинулся мимо проема, скользя поднятой рукой по воздуху, словно кирпичная стена подвала все еще была под его пальцами. Единственным изменением в его поведении стало только то, что он поднял голову и, казалось, разглядывал кирпичную кладку, которой не было. Я метнулся от лестницы к противоположной стене подвала и, пользуясь густым полумраком, начал красться вдоль стены в сторону проема. Охранник продолжал свой странный обход по периметру подвала. Скоро он достиг лестницы и, пробормотав: «Вот голый подвал и ни одной бабы...», начал восхождение к свету. А я подошел к проему и с изумлением уставился на тонюсенькую, в волос толщиной, но ярко светившуюся сочным изумрудным светом трещинку, пересекавшую пол подвала от угла до угла проема.

Чего я здесь никак не ожидал, так это встречи с подобной трещинкой, поскольку она являла собой переход! Причем переход уже был открыт постоянным мощным заклинанием и пройти через него было очень просто. Достаточно было его видеть и перед Шагом трижды плюнуть через левое плечо. Во всяком случае, именно так я понял ту пару знаков, которые слабо светились на полу у левого угла коридора.

Голубой Данилкин след беспрепятственно пересекал границу миров и, посверкивая, исчезал в темноте коридора. Я встал перед трещинкой, трижды смачно плюнул через левое плечо и сделал Шаг. Перешагнув черту, я оглянулся и увидел ту же, только чуть потемневшую трещинку. Значит, переход был двусторонним. Я с облегчением вздохнул – дорога назад была открыта. Рядом с чертой, на чистом кирпичном полу подвала шипели, испаряясь, три

моих плевка. Я правильно понял – нужно было именно плюнуть, а не изобразить плевок, как мы это обычно делаем. Моя слюна, похоже, гасила наговор от вторжения. Я вздохнул и двинулся в глубь коридора.

Становилось все темнее. Свет, падавший из подвала, тускнел, а в самом коридоре освещения не было. Я бесшумно двигался вдоль слабо светившейся голубенькой ниточки света, благословляя Данилу за его детскую жизнерадостность, оставляющую такой ясный отпечаток. Думаю, след Юрки давно бы уже погас.

В каменном коридоре было на редкость сухо, а кроме того, видимо, действовала какая-то вентиляция, потому что я постоянно ощущал на щеке слабое, освежающее движение воздуха. Но всему на свете приходит конец, закончился и этот занимательный коридор. След потянулся пологой спиралью вверх, а моя нога наткнулась на каменную ступеньку. Я начал подъем по спиральной лестнице.

Где-то на десятой ступени по каменной стене мазнул первый, неуверенный блик странного багрового света. По мере подъема тьма вокруг меня все больше отступала и сменялась пляшущим багровым сумраком. Наконец я увидел над собой дымный факел, который держала на стене отлитая из темного металла рука. Факел озарял своим пламенем каменную площадку, которой заканчивалась лестница. Я понял, что поднимался внутри каменной башни.

Площадка, на которую я вышел, одним краем обрывалась в провал винтовой лестницы, другим – упиралась в глухую стену, имевшую глубокую арочную нишу, перегороденную некрашеной деревянной дверью. Все полотно двери было покрыто замысловатой резьбой с повторяющимся геометрическим орнаментом, бегущим по периметру двери. С двух сторон площадки в стене башни были вырезаны узкие щели окон, очень похожих на бойницы. Я подошел к одному из них и выглянул наружу.

Узкая щель окна открывалась во двор, обнесенный невысокой каменной стеной. На стене, на фоне слабо голубеющего ранним утром неба, через каждые несколько метров стояли стражники, одетые в одинаковые коричневые кафтаны, желтые узкие штаны, заправленные в высокие темные ботфорты. Грудь и спину стражи защищали тускло мерцающие кирасы. Стражники были вооружены длинными шпагами и короткими кинжалами, у некоторых в руках имелись луки. На головах стражников красовались высокие шлемы, украшенные узкими длинными перьями. Все стоявшие на стенах люди смотрели в сторону окружавшего башню города. Правда, самого города видно не было. Над зубцами стены торчало только несколько высоких, крутых крыш.

В небольшом дворе, затененном стеной, прохаживались двое богато одетых господ, причем голова одного из них, одетого в багровый с золотом камзол, была покрыта широкополой шляпой, украшенной сверкающей золотой пряжкой и массой пушистых перьев, тогда как второй, укутанный в темно-серый, похоже шелковый, плащ, держал шляпу в руке, подметая свесившимися перьями брусчатку площади. В стороне у самой стены старик в зеленой ливрее держал под уздцы статного вороного коня. О чем эти двое разговаривали, слышно не было.

Я перешел к другому окну и увидел панораму города, открывающуюся с высоты, похоже, третьего этажа башни. Видимо, башня, в которой я находился, была угловой, но не наружной, выдвинутой вперед, а внутренней. Она располагалась на стыке стен, уходящих от нее в город и также оканчивающихся башнями. Однако долго размышлять об оригинальности местной архитектуры мне было недосуг. Похоже, я добрался до конца следа, и за этой изузуренной дверью находился Данила.

Я осторожно подошел к двери. Из-за нее не доносилось ни звука. Ни ручки, ни отверстия для замка на ней не было. Никаких заклятий тоже не чувствовалось, однако, когда я попытался легонько толкнуть ее, она оказалась запертой. Я внимательно осмотрел резное

полотно и тут же обратил внимание, что один из фрагментов бокового орнамента явно захватан пальцами. Я дотронулся до этого слегка потемневшего, деревянного пятиугольника и попытался надавить на него. Ничего не произошло. А вот когда я попробовал передвинуть его, он легко отошел влево. Внутри двери что-то звонко щелкнуло, и дверь отпрыгнула в сторону, открывая вход в сравнительно небольшой облитый голым камнем зал.

Первое, что бросилось мне в глаза, было огромное каменное ложе, или плита, установленная посреди зала. На этом зеленовато-сером монолите лежала, свернувшись в комочек, маленькая, тоненькая, неподвижная фигурка Данилы. Затем я увидел у противоположной стены средних лет мужчину, одетого по вполне современной московской моде – в фирменные джинсы, джинсовую рубашку, белые кроссовки и синюю бейсболку с надписью над козырьком «California». Рядом с ним маячила какая-то высокая тонкая тень, окутанная темным туманным облаком. Кроме того, в углах комнаты высились неподвижные фигуры в уже виденных пижамных штанах, с до боли знакомыми каменными лицами и пустыми глазами. Только в руках у них были зажаты чудовищные узловатые дубины. Немая сцена взаимного изучения длилась недолго. Хряпин, которого я сразу признал по описанию старлея Чернова, шагнул вперед и произнес:

– Ба! Да у нас гости... – В руке у него появился странного вида арбалет, из барабана которого в мою сторону тускло блеснули наконечники шести коротких болтов.

– И кого же это к нам занесло? – продолжил джинсовый Хряпин, беря меня на прицел. – И главное – зачем? – Его маленькие глазки остро оглядывали мою фигуру и пытались разглядеть, нет ли кого за мной.

Я шагнул в дверь ему навстречу.

– Да вот решил забрать вашего племянника, Эммануил Митрофанович. Загостился он у вашего профессора, я ему получше специалиста подыскал!

Я сделал еще один шаг в направлении каменной плиты. Хряпин, похоже, несколько растерялся от моей осведомленности, но, криво улыбнувшись, процедил сквозь зубы:

– Шустрая нынче молодежь пошла. Что-то я не помню, чтобы нас друг другу представляли. Может, назоветесь, а то я незнакомому человеку не могу доверять любимого племянника. Тем более что ему и здесь совершенно ничего не угрожает.

– Нас действительно друг другу не представляли, да я особенно и не горю. Мне и знакомых мерзавцев хватает. И потом, я же не собираюсь у вас тут задерживаться. Мне только мальчика забрать.

В этот момент окутанная мрачным облаком тень качнулась и поплыла в сторону противоположной стены, по направлению к видневшейся там двери. Ее бесшумное, расплывчатое движение буквально завораживало, приковывало к месту. Однако я, правда, с определенным усилием, сделал очередной шаг к Даниле. Хряпин тоже шагнул ко мне навстречу и, уже не скрывая злобы, прошипел:

– Слушай, ты, щенок, ты еще можешь попробовать сохранить свою шкуру, если будешь бежать достаточно быстро. Но если ты удержишься еще на пару секунд...

И тут со стороны противоположной стены донеслось глухое шипение, в котором каким-то шестым чувством я разобрал слова:

– Он прошел границу миров. Он специально подготовлен, он маг. Вам его не остановить разговорами... – И облако мрака исчезло, словно всосавшись в закрытую дверь. Обнаженные ребята подняли свои дубины и, сверкнув стекляшками пустых глаз, шагнули из своих углов.

В тот же момент я, прикрыв левой ладонью глаза, ничком бросился на пол и, выбросив вверх правую руку, щелкнул пальцами. В ответ на мое движение под потолком вспыхнула на одно мгновение немая, ветвистая и ослепительно белая молния. Одубиненные детишки Единого-Сущего замерли на месте с выжженной сетчаткой глаз и шоком центральной нерв-

ной системы, однако Хряпе, как его называли подчиненные, удалось вовремя натянуть на глаза козырек бейсболки и даже нажать на курок своего арбалета. Короткая стальная стрела ударила в плиту, на которой лежал Данила, и ушла в потолок, теряя свою убойную силу.

Я перекатился по полу и, вскочив, выбросил в сторону Хряпы левую руку, выпуская свою первую иглу. Она тоненько взвизгнула и вошла стрелку точно в позвоночный столб между третьим и четвертым шейными позвонками. Он оглушительно завопил и повалился на пол – у него была парализована нижняя часть тела. Пронзительно воя, он скреб левой рукой по камню пола, а правой, не глядя, нажимал курок арбалета. По залу в разных направлениях завизжали смертельные тени и, как ни странно, один из болтов нашел цель. Ею оказался бессмысленно размахивающий своей дубиной верзила. Когда стрела пробила ему глаз и с хрустом вошла в череп, он странно дернулся, застыл, а потом плашмя рухнул на камни, не издав ни звука.

Но все это я зацепил взглядом, когда уже захлопывал за собой створку изузоренной двери, унося на своем плече легкое тело Данилки.

Вы никогда не пробовали бежать вниз по темной лестнице с восьмилетним ребенком на руках? И не советую пробовать. Правда, мне удалось пустить впереди себя блуждающий огонек, но его света хватало лишь на то, чтобы не врезаться в стену. Я почти скатился по каменным ступеням к началу коридора, и тут Данила глубоко вздохнул и, не открывая глаз, тихо проговорил:

– Дядя Илюха, я сам дальше пойду...

Я осторожно опустил его на пол. Данила поморгал, словно от яркого света, а потом ухватился за ремень моих брюк, и мы, по возможности быстро, направились по коридору в сторону санатория.

Когда мы достигли выхода из коридора, я обратил внимание на то, что трещина между мирами слегка изменила свой цвет. Придержав Данилу за плечо, я остановился и опустился на колени над границей. Здесь явно кто-то недавно побывал. И изменил пароль-заклинание. Если бы мы не остановились, а плюнув через правое плечо, перескочили через границу, в лучшем случае оказались бы в неизвестном мире, а скорее всего нас просто размазало бы по переходу. Необходимо срочно разобраться с новым заклинанием, а из темноты коридора, позади нас, уже доносилось бряцание кирас.

Я постарался успокоиться и внимательно оглядел зеленоватую трещину. Так и есть. Теперь два выведенных цветным мелком небольших знака располагались на разных концах границы. Я наклонился, пытаюсь поподробнее рассмотреть начертание знаков, и вдруг увидел идущую от одного знака к другому дорожку из уложенных одна к одной песчинок. Это была самая примитивная ловушка. Поставивший ее мог рассчитывать только на нашу торопливость и невниманье. Я не стал разгадывать связывающее заклинание, а просто убрал несколько песчинок из пересекавшей коридор дорожки. Трещинка границы ярко вспыхнула и ее цвет стал прежним. Значит, восстановились прежние условия перехода.

Я повернулся к Даниле:

– Слушай меня внимательно! Сейчас ты плюнешь три раза через правое плечо и сделаешь шаг через вот эту черточку. Ты ее видишь?

– Вполне отчетливо.

– Только плюй как следует. Слюной. Когда окажешься за чертой, сразу прижмись к стене и подожди меня. Понял?.. – Данила молча кивнул. – Давай!

Он повернул голову направо и трижды добросовестно плюнул через плечо, а затем смело шагнул через трещину перехода. Такого энергичного Шага я еще не видел. Поневоле я вспомнил, как сам делал первый самостоятельный Шаг через переход. Я вспомнил, как дрожали у меня коленочки, хотя меня сопровождал Учитель, и я прекрасно знал, что это такое. Видимо, действительно дети смелее взрослых... Или безрассуднее.

Однако долго предаваться воспоминаниям мне было некогда. Факелы за спиной разгорались все ярче. Я возвратил убранные песчинки на место и прошептал короткую фразу. Дорожка из песчинок запульсировала оранжевым ожидающим светом. Я встал на ноги, трижды плюнул через правое плечо и сделал Шаг. Краем глаза я увидел, как схлопнулся за спиной оранжевый свет, а трещина перехода, привспыхнув, изменила оттенок цвета.

Но порадоваться мне не дали. Сразу за переходом здоровенный детина с хищным лицом и в камуфляже уже был готов опробовать на мне свое мастерство каратиста. Судя по стойке, парень был из наших доблестных ВДВ. Второй охранник, уже знакомый мне ходок по подвалам, пытался удержать извивающегося Данилу. Использовать вспышку было нельзя, поскольку Данила тоже мог пострадать. Поэтому, сразу уйдя от нападавшего верзилы в сторону и в кувырок, я выпустил вторую иглу. И тут же с отчаянием подумал, что промахнулся – десантник молча продолжал свое грациозное змеиное движение. Однако через мгновение он словно споткнулся, его лицо исказилось, ноги подогнулись, словно ватные. Молча ткнувшись лицом в кирпичный пол, он ритмично задергался. Второй охранник, увидев, что произошло с его напарником, испуганно замер, а затем отпустил Данилу и неловко боком уселся на полу, не сводя с меня отчаянного взгляда.

И тут как раз подоспели громышающие кирасами ребята с той стороны перехода. Четыре факела ярко освещали группку из десяти-двенадцати человек в коричневом обмундировании со шпагами и кинжалами в руках. Впереди бежал, судя по роскошным галунам на плече, офицер. Наш милый друг в камуфляже, сидевший на полу подвала, уставился на ребят с оружейным раритетом в руках, словно на экран кинотеатра, с ужасом и восхищением.

Первым налетел на расставленную мной ловушку офицер. Вытянув вперед руку с зажатой в ней витой гардой великолепной шпаги, он вмазался в переход, как в зеркальное стекло шикарной витрины. Только это стекло не лопнуло под его натиском. Наоборот, последовала неяркая вспышка, и блестящий офицер на мгновение завис в воздухе, а затем стал плоским, словно он был вырезан из разноцветной бумаги и наклеен на стекло. Только на секунду его плоская рожа с широко распахнутым ртом висела против нас, жутко подсвеченная багровым мечущимся светом факелов, а затем словно гигантская мокрая тряпка махнула по плоскости перехода, стирая цветной рисунок и оставляя за собой грязный, противный мазок.

Бежавший следом за офицером солдат остановился как вкопанный, вытаращив глаза на остатки своего начальника, но следующий со всего размаха врезался в него и вытолкнул на зеленеющую трещину. Повторилась предыдущая картина, с той только разницей, что перед тем как по стеклу перехода прошваркала мокрая тряпка, сплюсненного воина словно порывом ветра свернуло в трубочку.

Следующий, совсем молодой парнишка, спасся только потому, что, врезавшись в своего товарища, запутался в ножнах и растянулся на полу. Зато бежавший за ним, споткнувшись о юнца, покатился кубарем и, ткнувшись в стекло границы, превратился в плоское изображение какого-то колобка, руки и ноги которого находились внутри его тела. Каждое касание границы перехода сопровождалось неяркой зеленоватой вспышкой, но мы с Данилой были уже у деревянной лестницы, ведущей прочь из подвала. Поставив ногу на первую ступеньку, я еще раз оглянулся, и мне показалось, что голова охранника, сидевшего на полу рядом с молча корчившимся телом его товарища по службе, побелела.

Пропустив Данилку вперед, я начал быстро взбегать по деревянным ступенькам. Вот мы оказались в коридоре, и, метнувшись за угол, я распахнул дверь в дорогое, родное, летнее подмосковное утро.

Моя радость была преждевременной. Недалеко от крыльца, перекрывая нам дорогу к воротам, стоял полный, высокий мужчина в белом фланелевом костюме и рубашке с вышитым воротом. За ним, расставив ноги и набычив головы, расположилось человек восемь пустоглазых атлетов из числа детей Единого-Сущего в пижамных брюках, дальше, уже на

самой асфальтовой полосе и по ее обочинам топталось еще с дюжину таких же «детешек». Я растерялся. Было понятно, что к машине нам не прорваться. В левом кулаке у меня оставалось только две иглы, а напугать этих ребят муками двух их товарищей вряд ли удастся. Данила спокойно стоял справа от меня. Он, похоже, уже полностью оправился от своего ненормального сна.

Увидев нас, толстый мужик заорал неожиданно высоким голосом:

– Я директор этого санатория. На каком основании вы ворвались на охраняемую территорию, являющуюся частной собственностью? Кто вы такой?

– Уважаемый господин директор... – попытался я решить дело миром, – я не ворвался, а спокойно зашел за сыном моего друга, похищенным неким господином Хряпиным, несомненно, вам знакомым. Если вы позволите нам спокойно покинуть ваши частные владения, то, возможно, сумеете избежать серьезных неприятностей. В противном случае...

– Оставьте мальчишку, и я отпущу вас, – вдруг заявил он.

– Нет! Мы уйдем вместе.

– В таком случае... – он улыбнулся, – ...в таком случае можно считать, что вы пропали без вести.

И он коротко кивнул в нашу сторону.

Похоже, он был твердо уверен, что все пути, по которым мы могли уйти, отрезаны, но у меня было такое ощущение, что одна тропочка у нас все-таки еще оставалась. Только я никак не мог вспомнить, где она пролегалла.

Обнаженные ребята, повинуясь кивку директора, двинулись в нашу сторону. Надо сказать, что двигались они достаточно быстро и ловко, хотя оставалось ощущение, что их кто-то ведет, как кукол. Я оторвал взгляд от надвигающихся бессмысленных лиц и оглядел территорию санатория, огороженную зеленым двухметровым забором. Клумбы, дорожки, качели, немного в стороне детская песочница, левее чуть дальше несколько беседок, за ними пустой облупленный фонтан... И тут мой взгляд метнулся назад к детской песочнице. За ней действительно начинался лесок, в котором, по полученным мной агентурным данным, была выломана целая секция забора.

Я схватил Данилу за руку, и тот, словно уже зная направление броска, одновременно со мной рванул в сторону песочницы. Директор странно хрюкнул, видимо, от неожиданности, а потом разразился серией глухих непонятных воплей. Через секунду обнаженные по пояс ребята, мелькая штанишками пастельных тонов, припустились за нами.

Мы нырнули в лесок и почти сразу же наткнулись на пролом. Покинув территорию санатория, я собирался свернуть вдоль забора в сторону оставленной «пятерки», но тут мне в голову пришла мысль, что около машины нас скорее всего уже поджидают. Кто бы ни командовал этим чудным санаторием, дураком он не был, и уже, видимо, обыскал окрестности на предмет обнаружения моего транспортного средства. Поэтому мы побежали дальше в лес, забиваясь в чащу и стараясь сбить со следа погоню.

Лес был совершенно диким, с густым кустистым подлеском, множеством поваленных деревьев, отломанных толстых веток, догнивающих в траве. Особенно высокой скорости в таком лесу не разовьешь. Тем более что мы совершенно не знали, куда бежать, где можно найти помощь. Сначала нам вроде удалось оторваться от своих преследователей, их топот затих далеко позади. Но через несколько минут стало ясно, что в отличие от нас наши противники повели планомерную облаву и, уже оцепив большой участок леса, начали его методично прочесывать.

Мы заметались. Сначала я рассчитывал выйти на одиночных одного-двух преследователей и, уложив их иглами, выйти из окружения. Но скоро увидел, что преследователи грамотно построили цепь, и даже уничтожив одного из них, я не обману всю погоню. Нас все дальше оттесняли в чащу и все плотнее охватывали кольцом. У меня оставалась последняя,

малюсенькая надежда, но связана она была только с магической закономерностью, которая вполне могла и подвести.

Но нам повезло. Ее увидел не я, а Данила. Дернув меня за ремень джинсов, он ткнул пальцем в торчавший из старой хвои пенек и спросил:

– Дядя Илюха, ты не это ищешь?..

От пенька в сторону рядом стоящей молоденькой рябины змеилась сиявшая зеленым люминесцентным светом трещина. Мы подбежали к ней. За трещинкой продолжался все тот же замусоренный лес, через который в нашу сторону ломились «детушки» с бугристыми мышцами, неподвижными лицами и остекленевшими глазами. Переход был закрыт. Его надо было активировать. Я тщательно проследил направление трещины, а затем стал забрасывать ее старой хвоей, одновременно складывая подходящее заклинание.

Закончив маскировать границу перехода, я снова сжал кулак и, резко его раскрыв, связался с Антипом, и теперь уже он ответил вполне проснувшимся тоном.

– Ты выезжаешь?..

– Нет! В подвале этого санатория переход!..

– Вот это да! – Он, видимо, имел желание продолжить выражение своего удивления, но я его перебил.

– Я был на той стороне и вывел Данилу. Но на нас здесь устроили облаву, и нам придется уходить снова через переход! Через другой переход... – уточнил я. – Обязательно займись этим санаторием! Здесь творятся странные, жуткие вещи. Познакомись с пациентами этого санатория – все поймешь. Эта секта – «Дети Единого-Сущего» – просто ширма для какой-то страшной игры. Если я задержусь, успокой моих! Все! Нам пора!..

Я, отключив связь, встал рядом с Данилой над замаскированной трещинкой и сказал:

– Я буду читать странные глупые стихи. Слушай внимательно, когда я скажу слово «шаг», надо будет шагнуть через переход. Понял? – Данила утвердительно мотнул головой. Я начал читать. Стихи были действительно корявые, но по моим прикидкам должны были вскрыть переход для двоих. А больше мне ничего и не надо было. Публиковать их в литературном журнале я не собирался.

Мы нашли в траве жучка,
Мы нашли в реке рачка,
А знакомый нам уют
Видел тропку-переход.

Он нам тропку показал,
Сам уехал на вокзал.
Только тропка-переход
Нам покоя не дает...

При этих словах из кустов, метрах в пяти от нас появилась голая по пояс фигура и двинулась в нашу сторону. Я, не оглядываясь и не переставая читать, взмахнул рукой, и очередная игла вошла через неподвижный зрачок в его мозг. Он тут же рухнул и замер. Только его ноги продолжали двигаться, сдергивая траву задниками спортивных тапочек. Данила даже не повернул голову.

Если в небе солнца нет,
Если гаснет звездный свет,
Если в спину дышит враг,
Надо сделать этот Шаг!

С последним словом мы шагнули вперед.

Сверкнул зеленоватый блеск, и я в испуге зажмурил глаза. Когда я их открыл, вокруг шумела листва, перекликались птицы, теплые солнечные пятна ползали по прошлогодней хвое. Данила стоял рядом со мной и, закрыв глаза, улыбался. Я повернулся и посмотрел назад. Старый пенек и рябинка стояли на своих местах, а между ними чернела полоса перевернутой хвои. Моя попытка замаскировать переход оказалась напрасной. Он был односторонним и разовым. Наверное, еще не успел созреть. Теперь нам предстояло найти дорогу домой, в свой родной мир. Данила вздохнул и сделал первый шаг по тропинке, бегущей к солнцу.

5. СОНЯ

*...А дети везде любопытны, смешливы, прекрасны и неповторимы...
Везде!!!*

Мы с Данилой брели по лесу уже около двух часов, когда до наших ушей донеслись звонкие, ритмичные звуки барабана. Они складывались в какую-то знакомую мелодию, которую я никак не мог уловить. Мы переглянулись и двинулись в сторону барабанной дробы. Через несколько минут лес слегка расступился, и в просвете мы увидели большую поляну, заросшую высоким разнотравьем, с большим количеством желто-фиолетовых цветов, напоминавших наши родные иван-да-марья. Посреди поляны стоял... Заяц.

Заяц был темно-бурого цвета и совершенно невероятного размера. Если бы я встал с ним рядом, он ушами доставал бы мне до пояса. Задние лапы Зайца тонули в траве, а в передних он сжимал деревянную толкушку для картошки и такой же молоток для отбивания мяса. Этими кухонными принадлежностями он колотил по барабану, который располагался перед ним, извлекая слышанную нами браваурную мелодию, в которой я наконец узнал марш из оперы Джузеппе Верди «Аида». При этом Заяц в такт ударам мотал ушастью головой, а из-под верхней губы у него задорно поблескивали два огромных белоснежных резца. Я сразу вспомнил свой сон, с которого начался сегодняшний сумасшедший день.

Данила стоял рядом разинув рот и с восхищением наблюдал за музыкальными упражнениями сказочного животного. Я наклонился и прошептал ему на ухо:

– Сейчас он бросит свои колотушки и достанет губную гармошку...

Заяц тут же прекратил колотить в свой барабан и повернулся в нашу сторону. Он действительно, как в моем сне, внимательно вгляделся в скрывавшую нас листву, а затем шагнул в нашу сторону, но, вместо того чтобы бросить в траву свою кухонную утварь и достать губную гармошку, шепеляво проговорил:

– А я фаш фижу. Фыхотите, а то... – И он вскинул свой деревянный молоток.

Я невольно засмеялся и, раздвинув кусты, вышел на поляну. Данилка двинулся за мной.

Фигурка Зайца вдруг подернулась странной рябью, в воздухе что-то негромко хлопнуло, и на месте Зайца оказалась маленькая девочка лет шести. Кроме коротенького бурого платица на ней ничего не было. Лохматая, темноволосая головка не носила даже следов здоровенных, лопоухих ушей, которые украшали голову Зайца. Сжимая в тоненьких ручках свои колотушки, она, наклонив голову, с бесстрашным интересом разглядывала нас своими черными, блестящими глазенками.

Данила остановился. Его подвижное личико выражало такое изумление, что девчушка залиvistо рассмеялась. А когда Данилка начал озираться по сторонам в поисках того замечательного Зайца, который только что выколачивал дробь на барабане, эта хохотушка просто присела в траве и согнулась пополам от хохота. Я, признаться, тоже был несколько озадачен, хотя быстро сообразил, что веселый Заяц и эта не менее веселая девчушка – одно и то же существо. Мне только было непонятно, был ли это наведенный морок или девочка действительно может перекидываться зайцем. Я слегка подтолкнул Данилку в спину, и мы двинулись к центру поляны.

Девчонка наконец перестала хохотать и, сидя на корточках, разглядывала нас хитреньким глазом. Когда мы подошли поближе, она без всякой шепелявости произнесла:

– Какие вы смешные... – Мы присели рядом с ней и немного помолчали, разглядывая друг друга. Наконец девочка не выдержала и сказала: – Меня зовут двуликая Соня, это не потому, что я спать люблю, просто так меня мама называет. А вас?..

– Меня зовут Илья, или дядя Илья, как тебе больше понравится, а моего друга, – я положил руку Данилке на голову, – Данила. А ты откуда здесь в лесу появилась? – попытался я перехватить инициативу.

– А я живу здесь...

– В лесу?

Девчонка снова захихикала.

– Нет. Как можно жить в лесу. Я же человек, а не зверек... Вон там наша деревня. – Она ткнула своим деревянным молотком в сторону зарослей за своей спиной.

– А что ты здесь делала? – вступил в расспросы Данилка.

Девчонка лукаво взглянула на него.

– Ты же видел – на барабане играла. Я всегда играть на барабане в лес ухожу. Мама говорит, что в деревне я уже всех оглушила, а в лесу я никому не мешаю. А барабан мне дедушка подарил, – гордо добавила она.

– А мне показалось, здесь заяц был... – разочарованно протянул Данила. Девчонка снова захихикала.

– Был заяц, был... – успокоил я Данилу. – Вот он, этот заяц. – Я кивнул в сторону девочки.

– Ты – заяц?... – недоверчиво протянул Данила.

– Ага. – Девчонка утвердительно мотнула головой, а затем внимательно посмотрела Даниле в лицо.

– А ты кто? Тоже зайчик?... Нет, непохоже! Ты, наверное, волчок, да? – Девочке очень хотелось угадать.

– Я – человек, и больше никто! – гордо отрезал Данила.

Девочка недоверчиво уставилась на него.

– Ты что, до сих пор одноликий? – В ее глазенках плясало недоверие. – Врешь, да? Ты, наверное, в хоряка перекидываешься, только признаться стыдно! – Она явно начала поддразнивать Данилу. Тот выпрямился во весь свой восьмилетний рост.

– Кто в хоряка перекидывается? Сама ты – хорека ушастый! – От обиды он, казалось, готов был расплакаться. Мне, пожалуй, пора было вмешаться.

– А в кого ты еще умеешь перекидываться? – спросил я у девчушки, отвлекая ее внимание и остренький язычок от Данилки. Она сразу повернулась ко мне, и ее глазенки засветились, изучая меня.

– Я же сказала – я двуликая. Заяц – мой второй лик. Но дедушка говорит, что я еще не один лик получу. Он говорит, я... талантливая. Вот. – Слово «талантливая» ей, по-видимому, очень нравилось.

– А дедушка твой тоже может перекидываться? – Я старался забросать девчушку вопросами.

– Дедушка уже старый. У него только три лика осталось – дедушка, лев и коршун. Да и те... – она пренебрежительно махнула ручкой, – ...дряхленькие.

– А раньше он много ликов имел? – не давал я ей передышку.

Она смущенно потупилась, словно ее поймали на хвастовстве, и тихо пробормотала:

– Нет, всего четыре. Только кот совсем плохо получался, а лев без гривы, а коршун зеленый...

– Да?... А вот твой заяц – хорош! Прямо загляденье! – похвалил я.

Ее личико сразу засияло:

– Правда?!

Данила, конечно, тут же встрял.

– Ага! Только здоровый, как телок, и зубы на лопаты похожи...

Напрасно он так. Девчонка обиделась. Повернувшись к нему, она распахнула свои глазки, набрала полную грудь воздуха и, задержав дыхание, лихорадочно придумывала, как ему отомстить. Наконец она, не в силах уже больше удерживать воздух внутри, выдохнула:

– Сам... хорек!

– Так, – немедленно вмешался я, – ты, Данила, перестань ее дразнить. Я сам видел, что заяц тебе очень понравился. А ты, Сонюшка, не смей обзывать старших! Данила старше тебя и никакой не хорек, а очень симпатичный мальчик!

Девчушка повернулась ко мне, уперлась в меня взглядом и, запинаясь, переспросила:

– Ты... как меня назвал?

Я слегка растерялся.

– Сонюшка... А что, так тебя называть нельзя?

– Нет, называй, пожалуйста. Меня так еще никто не называет. – Она наклонила голову, на секунду задумалась, а потом на ее личико вернулась довольная улыбка. – Мне нравится...

– Тогда ты мне, Сонюшка, расскажи, много у вас в деревне народу живет? И что, все умеют в кого-то перекидываться?

– А пойдемте со мной! Я вам все покажу и со всеми познакомлю! Пойдемте! – Она вскочила на ноги, обхватила одной ручкой Данилу за шею, другой уцепила меня за майку и с неожиданной силой потащила за собой. Данилка от неожиданности повалился в траву, а я расхохотался.

– Пойдем, пойдем... и не надо нас тащить.

Я встал на ноги, отряхнул майку и трусы вскочившего Данилы от налипших травинки и, ухватив барабан нашей новой знакомой за свисавший ремешок, кивнул ей:

– Веди...

Она вытащила из травы молоток и толкушку и, зажав их в кулачках, запрыгала на одной ножке к ближней опушке леса. Мы с Данилой двинулись следом за ней.

Миновав небольшой перелесок, мы вышли на засеянное поле, за которым виднелись высокие, крытые черепицей крыши над небольшими аккуратными домиками. Деревенька была небольшая. Вернее ее было бы назвать большим хутором, семьи на три-четыре. Скоро мы уже шагали по короткой улице, превращающейся по обеим сторонам от деревни в широкую проезжую дорогу. У одного из домов стояла невысокая, плотная, русоволосая женщина. Соня бегом припустилась к ней, заверещав на ходу своим высоким голосом:

– Мама, мамочка, посмотри, кого я в лесу нашла. Они такие смешные. Им мой заяц понравился...

Женщина заулыбалась, покачивая головой, подхватила подбежавшую Соню на руки и неспешным шагом двинулась навстречу нам. Подойдя, она опустила дочь на землю, забрала из ее ручек «барабанные палочки» и, продолжая улыбаться, молча стала нас разглядывать. Мы, в свою очередь, не спускали глаз с нее. Ее правильное лицо, обрамленное густыми, прямыми, темно-русыми волосами, показалось мне странно знакомым. Еще раз окинув ее пристальным взглядом, я понял, что она очень напоминает женщин, которые в санатории сидели за одним столом с пустоглазыми верзилами в пижамных штанах. Меня непроизвольно передернуло. Данила с удивлением посмотрел на меня.

– Меня называют двулика Лайта, я мама вот этого зайчишки... – Женщина положила ладонь на темную головку Сони и выжидающе посмотрела на нас.

И тут вмешалась Соня. Она подскочила к нам и зачистила:

– Это вот – Данила, – она ткнула пальчиком в Данилкин живот, – а это – дядя Илья. Данила – очень смешной, особенно когда сердится, – она фыркнула смешком, – а дядя Илья назвал меня Сонюшкой... – Она метнулась назад к матери и, требовательно задержав ее за широкую юбку, потребовала ответа: – Правда красиво, правда?..

– Правда, правда... – улыбнулась мать. – Только, раз уж ты привела гостей, давай-ка сама их и принимай. Покажи, где можно умыться, покорми, приготовь постель на ночь...

– А ты мне поможешь? – Девчушка испуганно смотрела на мать.

– Ну конечно, я тебе помогу, – серьезно ответила та, однако улыбка продолжала прятаться в ее губах. Девочка сразу стала очень серьезной, можно даже сказать, торжественной. Она сделала шаг в нашу сторону, с достоинством поклонилась и важно произнесла:

– Гости дорогие, прошу в наш дом. Мы озаботимся вашим отдыхом, вашей пищей, вашими удобствами. Вам будет хорошо. – При этом она своей маленькой ручкой сделала плавный приглашающий жест в сторону дома.

Данила почесал свой лохматый затылок и качнулся вперед, собираясь двинуться к дому, но я удержал его, положив руку на его плечо. Он вопросительно стрельнул глазом в мою сторону. Я скорчил совершенно серьезную рожу и старательно повторил поклон Сони. Данила, спохватившись, тоже неуклюже поклонился.

– Спасибо, маленькая хозяйка, за предложенное гостеприимство. Мы идем издалека и далеко, поэтому с радостью и благодарностью примем твою заботу о нас. – Я старался придерживаясь взятого Соней торжественного тона.

После моих слов двуликая Лайта несколько ошарашенно посмотрела на нас, зато мордашка Сони стала совершенно счастливой. Потеряв всю свою торжественность, она подскочила к нам, схватила нас за руки и потащила к дому. Улыбаясь, мы двинулись за ней. Ее здоровенный барабан колотился о мою ногу.

Таким порядком мы поднялись на крыльцо. Соня выпустила наши руки и налегла на тяжелую деревянную дверь, потемневшее полотно которой было изрезано простенькой резьбой. Дверь отворилась, и мы вошли в прохладу небольшой прихожей.

– Ваша комната наверху, под крышей. Там у нас останавливаются все гости, – снова зачастила Соня. – Вот тут у нас туалет, – она указала своим крошечным пальчиком на не приметную дверь в дальнем конце прихожей, – там можно умыться и пописать. Кушать мы будем в столовой, пойдем я сразу покажу... – И маленькая стремительная ракета рванула по небольшому коридору в глубь дома. Мы поспешили за ней и услышали тихий, довольный смех за спиной. Я оглянулся, мама Сони стояла в дверях и, улыбаясь, качала головой.

Столовая была довольно просторной, с большим обеденным столом посередине и резным буфетом у одной из стен. Широкое окно выходило на улицу.

– Ужинать мы будем через... – Соня стрельнула глазами на мать, и я заметил, как она исподтишка показала два растопыренных пальца, – ...через два часа. А сейчас я провожу вас в комнату.

Когда мы проходили через прихожую к лестнице, ведущей наверх, Данила вдруг проворчал:

– А почему ты, заяц, говоришь «ужинать»? Мы еще и не обедали.

Соня немного притормозила и с достоинством ответила:

– Еда вечером называется ужин. Такие большие мальчики должны это знать. Если вы не обедали, значит, за ужином съедите побольше. – Потом она выразительно пожала плечами и добавила: – Не станем же мы изменять название еды из-за того, что ты не соблюдаешь режим.

Данилка вдруг покраснел, а я чуть не расхохотался. Хорошо, что в этот момент мы достигли дверей предназначенной нам комнаты.

А комната эта удивительно походила на ту, в которой я останавливался, когда приезжал к Ворониным на дачу. Расположена она была также под крышей, также была обита желтой сосновой доской и янтарно светилась в лучах вечернего заходящего солнца. Только вид из небольшого окна показывал не розовые Светкины кусты и не соседний, навсегда недостроенный коттедж, а чистую улочку и поле с колышущимися колосьями на нем. Да еще в этой

комнате стояли две узкие кровати. Мы с Данилой вошли в комнату, а сзади раздался голос Сони:

– Вы осмотритесь, а я пойду маме помогу. – И она, осторожно прикрыв дверь, затопала по лестнице вниз.

Данилка подошел к окну и прижался лбом к стеклу, а я уселся на одну из кроватей и внимательно огляделся. Кровати были застелены. На них лежали небольшие подушки в цветных наволочках и легкие покрывала. В стене я заметил стенной шкафчик и, открыв его, обнаружил только две пижамы. Они были одинакового размера и, пожалуй, подошли бы Данилке, но мне, с моим почти двухметровым ростом, они были безусловно малы.

Когда я повернулся, чтобы поделиться с Данилой своими находками, я увидел, что его плечи вздрагивают. Мальчишка плакал, уткнувшись в стекло.

Я подошел и молча обнял его за плечи. Он повернулся ко мне, уткнулся лицом мне в живот в районе желудка и, хлюпнув носом, начал незаметно вытирать глаза о мою футболку. Так мы постояли несколько минут. Затем я усадил его на одну из кроватей, сам уселся рядом и вполголоса сказал:

– Давай-ка, друг Данила, расставим акценты...

ИНТЕРЛЮДИЯ

Светлана Воронина очень гордилась своим сыном. В душе. Она никогда и нигде не хвасталась его умом, памятью, воспитанностью или успехами в учебе, а тем более не делала этого в присутствии самого Данилы. И все-таки она была убеждена в неординарности своего первенца. Ему шел восьмой год, и он перешел во второй класс элитной школы, которую почему-то переименовали в лицей. Учился он очень хорошо, хотя отличался очень независимым характером.

Но сегодня он, вернувшись из школы, вытащил из ранца дневник и молча развернул его на столе перед носом своей матери. Внизу открытой страницы бегущим «учительским» почерком было выведено: «Прошу родителей явиться в школу к заведующей учебной частью», дальше шла неразборчивая подпись.

Светка минут пять изучала запись в дневнике своего сына, приходя в себя от вызванного ею шока и давая в себе рвущийся наружу вопль «Что ты там натворил???». Она была дисциплинированным, сдержанным человеком и поэтому, заучив дневниковую запись наизусть, спросила ровным без модуляций голосом:

– Ну и что ты там натворил?

Данила подал ей ручку и попросил:

– Ты распишись, что видела.

Светлана поставила рядом с подписью завуча свою закорючку и снова подняла вопрошающие глаза на сына.

– Я, мамочка, ничего не натворил. Я только обратился к Елене Николаевне с небольшой просьбой, а она сначала спорила со мной, а потом нарисовала вот это безобразие. – Он потряхнул раскрытым дневником.

– И все-таки... – настаивала Светлана.

– Я думаю, что Елена Николаевна сама тебе все расскажет.

– И как ты думаешь, можно отцу показать твой дневник?

Это был удар ниже пояса. В глазах Данилы промелькнул испуг – отца он побаивался. Но недрогнувшим голосом, в меру независимо, он ответил:

– Ну, если ты считаешь необходимым... – перекладывая всю возможную ответственность за такой явно, по его мнению, неразумный поступок на мать.

– А Ирина Алексеевна в курсе твоего общения с заведующей учебной частью школы? – Ирина Алексеевна была классным наставником Данилы, который уже втерся к ней в любимчики.

– Нет. Из беседы с ней я понял, что она не может выполнить мою просьбу. Это в компетенции... – Данила произнес это, недавно узнанное, слово с небольшой запинкой, – ...только Елены Николаевны.

На этом сын закончил разговор, подхватил свой ранец и отправился в свою комнату выполнять домашние задания.

– Я надеюсь, тебя из школы не исключают?... – бросила ему вслед мать свой последний вопрос, на что получила крик из-за двери:

– Нет!..

На другой день Светлана вошла в кабинет завуча, оставив на всякий случай Данилу в коридоре. Елена Николаевна, невысокая стройная женщина в возрасте, приближающемся к среднему, с холодноватыми строгими глазами, точными движениями и железной выдержкой, не первый год работала в школе и хорошо знала этот причудливый, неповторимый мир. Ей приходилось разбирать немало запутанных, законспирированных ситуаций, участниками которых были дети разного возраста, темперамента, социального слоя, но сейчас она была

в явном замешательстве. «Похоже, Данила и ее поставил в тупик», – подумала Светлана, представившись и увидев реакцию завуча на свою фамилию.

– Сын рассказал вам, почему я пригласила вас в школу? – поинтересовалась Елена Николаевна.

– Вы знаете, нет. Он сказал, что вы сами мне все расскажете.

– То есть вы хотите сказать, что он не рассказал вам о тех требованиях, которые он выставил к школе?.. – удивилась Елена Николаевна. В то же время она с невольным уважением к восьмилетней малявке подумала: «Значит, он даже не попытался сделать из матери своего единомышленника». А у Светланы в голове промелькнуло: «Господи! Данила выставил какие-то требования к школе», – ведь для нее это было все равно что потребовать, ну, например, отставки президента России. Причем на полном серьезе, как все, что делал Данила.

– Так... – прервала молчание Елена Николаевна. – Ну вот, значит, так... Вчера после занятий ваш сын явился ко мне в кабинет и убедительно попросил уделить ему десять минут для серьезного разговора. Обратите внимание, уважаемая Светлана Васильевна... – Завуч незаметно заглянула в лежащую перед ней тетрадку, подсматривая имя и отчество посетительницы, а Светлана облегченно вздохнула – почтительное обращение оставляло надежду на то, что требования, выдвинутые Данилой, не были неисправимо наглыми. Завуч между тем продолжала: – ...Я передаю сказанное вашим сыном почти дословно! Так вот. В этом кабинете ваш сын предложил мне официально освободить его от изучения некоторых школьных предметов, включенных в программу обучения. Причем его обоснования этого требования!..

– Какие предметы? – перебила завуч Светлана.

– Что? – не сразу поняла Елена Николаевна. – Ах... Ну, во-первых, труд. Данила заявил, что уже владеет начатками столярного ремесла и способен починить дома небольшие поломки электроприборов. А лепить из пластилина слоников и всякое другое... «непотребство» он считает бездарной потерей времени! – Елена Николаевна возмущенно воззрела на родительницу, ожидая сочувствия.

– Вы знаете, он действительно много всякого строгает на даче. Они с отцом даже мебель делают. И электричество он дома чинит. Иногда... – неуклюже поправилась Светлана, увидев растерянность на лице завуча.

– Да?.. – Елена Николаевна нервно потеряла виски. – Затем он заявил, что не будет больше заниматься физкультурой. Он сказал, что с него достаточно плавания, которым он занимается уже пять лет, и фехтования... А он что, действительно фехтует? – вдруг заинтересованно наклонилась она к Светке.

– Да. У него два раза в неделю занятия в динамовской школе олимпийского резерва. А еще он танцами занимается... – вдруг неожиданно для себя добавила Светка.

– Вот как... – Завуч задумчиво склонила голову.

– Но почему он заявил, что не будет заниматься пением и родной литературой?.. – вдруг возмущенно вспомнила она. – Он мне сказал, что то, что они сейчас проходят, он даже в детском саду не читал!.. А Ирина Алексеевна его так хвалила, – добавила завуч.

– Да вы знаете, он сейчас «Капитанскую дочку» читает... – начала оправдываться Светка.

Глаза у Елены Николаевны широко раскрылись.

– Вот как... – несколько растерянno произнесла она.

– Да. Это он после «Крестоносцев» Сенкевича начал. Он говорит, что Пушкин гораздо сильнее... – неожиданно приврала Светлана.

– Ага... А я вот хотела бы у вас спросить, почему он мне сказал, что не хочет с будущего года изучать географию и историю. Он утверждает, что ему необходимо получить от школы

глубокие знания математики, физики, химии, биологии. Остальное ему или совсем не понадобится, или он сам способен это узнать... Похоже, он уже сейчас знает, что ему понадобится во взрослой жизни...

– Давайте лучше у него спросим... – снова перебила завуч Светлана. Не дожидаясь согласия собеседницы, она бросилась к двери и втащила в кабинет Данилу.

– Вот, сын, – обратилась она к нему, – ответь при мне Елена Николаевна на несколько вопросов!

Елене Николаевна бросила на Светлану Васильевну диковатый взгляд и повернулась к Даниле.

– Данила, ответь, пожалуйста, по каким соображениям ты вдруг решил ограничить свое образование четырьмя предметами? Ты вчера мне их назвал. Ты что, не понимаешь, что вырастешь ограниченным человеком, что только знания истории и литературы делают человека интеллигентом в истинном смысле этого слова.

– Да. Я, конечно, с вами согласен... – начал Данила, и Елена Николаевна торжествующе посмотрела на Светлану. Данила совсем по-отцовски потер свой маленький носик и продолжил: – Но давайте все-таки расставим акценты...

Никто не знает, откуда он откопал это выражение, но с тех пор Данила очень часто его использовал в спорах...

6. ЧЕТЫРЕХЛИКИЙ НАВОН

5 июня 1999 года. Я частенько задумываюсь о том, что выражение «что старый, что малый» абсолютно неверно. По-моему, старые люди представляют собой как бы экстракт человечества. Если старик мудр и терпелив — это ваша опора, если старик капризен и глуп — ваше проклятие. Ребенка еще можно научить, воспитать, а старик окончателен и бесповоротен. Старик — это одна из немногих констант на свете...

Данила улыбнулся мокрыми глазами и выдавил сквозь слезы:

– Давай...

– Обрисовываем ситуацию, – начал я свое рассуждение. – Мы смогли вытащить тебя из весьма скверной ситуации...

– Ага, – перебил он меня, – и сразу попали в не менее скверную. – Похоже, он начинал злиться, и это меня обрадовало – значит, он несколько успокоился.

– Я бы так не говорил. Ты был захвачен, по моим сведениям, весьма скверными людьми, и что они собирались с тобой сделать, мы не знаем. Только вряд ли это было что-то хорошее. Особенно если вспомнить тех ребят в широких штанишках, которые пытались нас изловить в этом самом санатории...

– И мою маму... – вдруг добавил Данила тихим, каким-то придушенным голосом.

– Ну-ка, расскажи мне поподробнее, что ты помнишь о маме? – потребовал я.

– Ну, когда она меня ночью разбудила, я ничего не понял. Только лицо у нее было такое... Не ее. И она на меня не смотрела, а как будто... Ну я не знаю... Как будто что-то у меня за спиной было и она это разглядывала. И еще она почти совсем ничего не говорила. Когда я проснулся, она сказала: «Пойдем, тебе надо спастись». Я спросил – куда идти, а она молчит. Я ей говорю: «Может, папу разбудить?» – а она: «Нет, не надо его беспокоить». А потом молчала до самой машины. Когда этот тип дверцу открыл, она меня на сиденье усадила и говорит: «Вот мой сын – спасите его». А потом сразу повернулась и пошла назад. А этот... Как он ей вслед улыбался!.. – Мне показалось, что Данила сейчас опять расплачется, но он судорожно сглотнул и добавил: – А когда он увидел, что я за ним наблюдаю, он сразу отвернулся от мамы, подмигнул и пшикнул мне в лицо из какого-то баллончика. Дальше я ничего не помню, только уже когда у тебя на плече лежал...

Он помолчал, но я чувствовал, что ему еще что-то хочется сказать.

– А ты знаешь, что с моей мамой? Она что, заболела или?... – Тут он замолчал окончательно, и я понял – вот то главное, что его мучает.

– Ну что ж, давай сначала о маме, – возобновил разговор я. – Ты же знаешь – она вступила в этих... в детей Единого-Сущего? – Его физиономия презрительно скривилась, но он только молча утвердительно кивнул.

– Это, дорогой мой, не просто какое-то там религиозное направление. Это довольно странная организация, о которой вообще ничего не известно. Ты читал листовки, которые разносила твоя мама?

– Так в них ничего же нет. Какие-то непонятные слова...

– Вот именно. И кто эту организацию возглавляет, тоже непонятно. Это мы с тобой теперь знаем, что они что-то такое с людьми делают, что... Ну ты видел, что они делают из людей. – Он снова согласно кивнул. – Тогда ты понимаешь, как хорошо, что мы смогли тебя от этих... – я не смог подобрать слова, – ...забрать?

– Да. А теперь-то мы где. Ты мне скажи, мы хотя бы на Земле?

Вопрос был не из легких. Я помолчал, обдумывая тактику дальнейшего разговора. Рядом со мной сидел восьмилетний ребенок. Конечно, Данила был очень умен, сообразителен и выдержан, но ему было всего восемь лет! Восемь! В таком возрасте напугать, сбить с толку очень просто. А мне этого крайне не хотелось. Но и откровенно врать тоже было нельзя. Мы должны были полностью доверять друг другу. Мы должны были быть одной командой.

– Я не знаю, где мы находимся, – начал я наконец спокойным голосом, – и пока что никто на Земле или, вернее, в нашем мире этого не знает. Я попробую тебе рассказать одну теорию, правда, не знаю, насколько ты в ней разберешься... – добавил я, улыбнувшись.

Данила взглянул на меня и в его глазах зажегся интерес.

– Ты ведь физику в школе еще не проходишь? Поэтому, наверное, еще не знаешь, что весь наш мир состоит в основном из материи и энергии...

– Почему это не знаю? – вдруг перебил меня Данила. – Это еще когда мне папа рассказывал. Я потом даже про Большой Взрыв читал!

– Вот как?! – Я и вправду был удивлен. – И что, все понял?

Данила смутился, но не слишком сильно.

– Не все, конечно, но в принципе представить могу. – Что представить, он не уточнил.

– А переход энергии в материю и обратно?..

– Ну, это самое простое. Солнце светит и греет. Свет и тепло – это энергия. Деревья на земле берут эту энергию и превращают ее в... дерево... – Он вдруг моргнул, словно удивился. – Потом, если дерево поджечь, получатся опять свет и тепло...

Данила внимательно взглянул на меня, словно проверяя, все ли я понял.

– Правда, там есть еще эта... – Он наморщил лоб, вспоминая казавшееся ему нелепым слово.

– Энтропия?

– Точно! – Наконец-то он улыбнулся.

– Ну раз ты представляешь себе взаимопревращение энергии и материи, тогда мне осталось рассказать тебе совсем немного. – Я помолчал. – Все материальные объекты между собой связаны пространством. Пространство – это не пустота...

– Разве вакуум – это не пустота?

Научный разговор явно пошел Даниле на пользу – слезы высохли, глаза блестели интересом, он был готов к серьезной полемике.

– Нет. Даже в самом глубоком вакууме имеются частицы материи, не говоря уже об энергетических полях. Но я о другом. Поскольку материальные объекты связаны пространством, человек по этому самому пространству может добраться до любого материального объекта. Понимаешь?

– Ну это ты о полетах в космос на другие планеты.

– В общем – да. Все было бы достаточно просто, если бы не человеческий разум. Этот странный инструмент, созданный природой, больше чем что-либо иное способен влиять на саму природу. Способен создавать в природе цивилизацию. Причем, видимо, у разума при создании цивилизации есть два пути: либо, используя руки, а затем все более и более сложные инструменты и машины, создавать цивилизацию индустриальную, как у нас на Земле, либо, познавая и используя скрытые пока от землян возможности собственного мозга и тела, строить цивилизацию магическую!

Глаза Данилы горели как две Сверхновые, рот приоткрылся, и даже прижатые обычно уши встали торчком. Он буквально затаил дыхание.

– Так вот. Получается, что цивилизация машинная может достичь других миров, преодолев соединяющее их пространство при помощи машин. Но есть и другой путь. Магический. Различные миры, правда, по-видимому, только населенные разумными существами,

связаны между собой обитающим на них Разумом. В каждом из таких миров имеются переходы в другие миры, только они, как правило, всегда закрыты и открываются при особых условиях. Обычно это какое-то сочетание звуков, реже – особая освещенность, еще реже – что-нибудь совсем экзотическое, вроде какой-то определенной жидкости... Помнишь, мы с тобой как-то говорили о том, как в океане иногда пропадают корабли, а в небе самолеты?

– Ха! Конечно, помню. Мы еще карту тогда рисовали...

– На земле и людей много бесследно исчезает. И далеко не все... – Тут я запнулся, очень мне не хотелось говорить с Данилой о смерти.

– Ну в общем, некоторые из тех, кто считается пропавшим, на самом деле просто пересекли границу между мирами и оказались в совершенно другом мире!.. Так вот когда мы убегали от мужиков в пижамах, мы с тобой одну такую границу и прошли.

– Это когда ты стишок читал... – не то спросил, не то припомнил Данила.

– Вот-вот! Но я все делал в спешке и поэтому не знаю, куда мы перешли, в какой мир. Теперь нам с тобой надо найти обратный переход. К себе домой...

– А через тот, ну, через который мы сюда попали, нельзя?

– Нет, Данилка, тот переход схлопнулся. Его больше нет.

– А как же мы теперь искать будем? Ты знаешь, где искать?

– Пока не знаю. Надо немного осмотреться, расспросить местных жителей. Может, где-то есть место, в котором исчезают люди, звери или предметы. В общем, надо набрать информации, а затем, как ты говоришь, расставить акценты...

Данила задумчиво склонил голову набок, но по незатухающему блеску его глаз я понял, что он уже далеко от терзавших его растерянности и страха. У него появились надежда и цель. Правда, он не представлял себе всей сложности нашей задачи, но, может, это было и к лучшему.

– А теперь, дружок, пойдем помоем перед едой руки и физиономии, а также, как сказала твоя подружка, попишем. – Я хлопнул Данилу по плечу.

Он поднял голову и почесал свой курносый носишко.

– Ага. Только я еще одно не понимаю. Если мы здесь будем искать переход несколько дней, мои мама и папа будут очень волноваться. Они же не знают, что у нас все в порядке!

Я улыбнулся: Данила очень точно «расставлял акценты».

– А вот эту проблему мы с тобой уже решили. Ты же слышал, я разговаривал перед нашим уходом. Этот человек – мой очень хороший друг. Он предупредит наших родных, что мы можем немного задержаться, чтобы они не волновались.

Он довольно улыбнулся и, схватив с одной из постелей полотенце, побежал к лестнице с криком:

– Кто второй – тот без компота!..

Я облегченно вздохнул и двинулся за ним. Что ж, теперь паренек будет воспринимать наше приключение, как каникулярное путешествие. Дай Бог, чтобы таким оно и оказалось.

Внизу никого не было, но пока мы с Данилой приводили себя в порядок, в столовой зазвякала посуда. Когда мы чистенькие и приглаженные вошли в столовую, Соня с матерью заканчивали накрывать на стол.

Кроме них в столовой находился маленький, сухонький, белый как лунь старик, с худым, заострившимся лицом и ясными, внимательными изумрудно-зелеными глазами. Он сидел в углу столовой в низком деревянном кресле, а на коленях у него покоилась толстая книга в темном переплете. Едва мы появились на пороге, он повернулся в нашу сторону и молча принялся нас разглядывать. При этом он гораздо больше внимания уделил Даниле. Тот, слегка смущенный таким вниманием со стороны незнакомого старика, прижался ко мне и притих. Несколько минут спустя старик так же молча перевел взгляд на меня, но лишь скользнул по моей фигуре глазами.

После проведенного осмотра он аккуратно заложил страницы закладкой, закрыл свою книгу и, поднявшись с кресла, вышел из комнаты.

Соня, до тех пор с важным видом сновавшая из кухни в столовую и обратно с различными тарелками в руках, тут же подбежала и заговорщицки зашептала Даниле на ухо:

– Ты моему дедушке Навону очень понравился, он тебе точно что-нибудь подарит!..

Я присел рядом с ней на корточки и тихо спросил:

– А я? Я твоему дедушке понравился?

– Ты хороший, но ты большой. Ему с тобой не очень интересно.

Тут она быстро отскочила в сторону и сделала вид, что поправляет что-то на столе. Через мгновение в комнату вернулся дед и сразу направился к стулу, стоявшему во главе стола. За ним в комнату вошел мужчина, по-видимому, отец Сони. Он проследовал к столу и занял место справа от старика. Дед посмотрел на нас и показал глазами на стулья слева от себя. Мы с Данилой так же молча заняли предложенные нам места.

Как только мы уселись, в столовую вошла Лайта с большой супницей в руках. Когда она поставила супницу на стол и открыла крышку, из нее повалил такой ароматный пар, что у меня сразу, что называется, «потекли слюнки». Лайта, улыбаясь, разливала свое варево в миски, которые ей подавала Соня, и ставила эти миски перед нами. Первым свою миску получил дед, за ним – мы с Данилой, а последним – сидящий справа от деда мужчина. Когда Лайта ставила перед ним миску, он украдкой, так, чтобы никто не увидел, погладил ей руку. Ни сама Лайта, ни Соня за стол не сели, а ушли на кухню. Дед, бросив на нас быстрый взгляд, взял с одной из тарелок большой пирог и, откусывая от него, принялся хлебать из миски варево. На столе стояло несколько тарелок с разными пирогами и маленькими хлебцами, два небольших блюда с зеленью, маленькие судки с разного цвета соусами, солонка и два довольно изящных глиняных кувшина, наполненных какой-то темной жидкостью.

Я взял в руку пирог с той же тарелки, что и дед, откусил от него и, зачерпнув ложкой со странно изогнутой ручкой, осторожно попробовал похлебку. Уж не знаю, из чего она была сварена, но через секунду я уже вовсю хлебал из своей миски. Данила тоже склонил свою белую голову над столом и сосредоточенно черпал ложкой, откусывая от пирога. За столом царил молчание.

Мы с Данилой первыми прикончили свои порции похлебки, и тут же перед нами поставили широкие, мелкие тарелки, наполненные гречневой кашей вперемешку с кусочками мяса. Каша была полита какой-то густой подливкой и пахла очень аппетитно. Я оглядел стол. Дед как раз взял один из кувшинов и налил себе полную кружку темного напитка. Я тоже протянул руку к ближайшему кувшину и, наклонив его над своей кружкой, по запаху понял, что наливаю пиво. Я не большой любитель пива, но, отхлебнув горьковатого напитка, вдруг почувствовал, как голова у меня прояснилась, а окружающие предметы обрели четкость. Я принялся за кашу и краем глаза заметил, что перед Данилой поставили кружку с киселем.

Закончив с кашей, я понял, что сыт по горло, но еще в одном глотке пива я себе не отказал. Как раз в этот момент дед отодвинул свой стул от стола и поднялся. Мы втроем тоже встали из-за стола. Тут из двери, ведущей на кухню, показалась плутоватая мордашка Сони. Она заметила, что Данила бросил в ее сторону угрюмый взгляд, и поманила его маленьким согнутым пальчиком. Данила глянул на меня и, получив разрешающий кивок, двинулся за девушкой, а я прошел из столовой по коридору и вышел во двор.

День клонился к вечеру. Солнце уже зашло, в воздухе разлилась мягкая прохлада. Чистое, безоблачное небо быстро темнело, и только светлая полоса на западе еще освещала притихшую землю. Недалекий лес еще приблизился молчащей чернотой, но почему-то не пугал, а успокаивал, словно добрый друг, обещая укрытие и помощь.

Я присел около дома на аккуратную струганую скамейку и посмотрел на небо, которое уже зажгло первую яркую звезду.

– Все. Полез туман назад в свое болото... – спокойно прозвучал рядом со мной низкий хрипловатый голос. Я повернулся. Рядом сидел старик-хозяин и тоже глядел в небо. Немного погодя он повернулся ко мне и глянул прямо мне в глаза.

– Что ж, гость, расскажи, каким ветром занесло вас в наши края? Кто вы, откуда и куда идете?..

Его смуглое лицо, изрезанное морщинами, было спокойно до безмятежности, как может быть спокойна природа рано утром или поздно вечером. И только глубокие изумрудные глаза тлели непонятной яростью, чуть припорошенной жизненным опытом.

– Это правда, что ни ты, ни мальчонка не имеете иных обличий?..

– Правда, отец...

Почему я назвал его «отец», не знаю, но его взгляд, на секунду вспыхнув, как-то сразу помягчел, а губы слегка тронул намек на улыбку.

– Еще сегодня утром я находился в совершенно другом мире и даже не предполагал, что вечером окажусь у вас в гостях.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Старик поглядывал на меня, ожидая продолжения.

– Мы с отцом Данилы очень давние друзья. Поэтому он сегодня ночью позвонил именно мне. У него случилось несчастье...

И я рассказал этому молчаливому старику с внимательным придирчивым взглядом о всех событиях, случившихся с нами за этот день. Он слушал меня не перебивая, а когда я закончил свой рассказ, опустил голову и надолго задумался. Наконец он тряхнул своей совершенно седой шевелюрой и подвел итог своим размышлениям.

– Значит, вы из другого мира и к нам попали ненароком, а теперь будете искать дорогу назад – к себе домой? Хм! Занятная история! И вы не можете менять обличье...

Он снова бросил на меня испытующий взгляд, как будто это самое неумение было каким-то чудом.

– Тогда ты, Белоголовый, не обижайся, но придется тебе пройти одно маленькое испытание... Как, согласен?

– Конечно... – пожал я плечами.

Дед вытянул за шнурок висевший у него на шее под рубахой маленький серебряный свисток и, еще раз внимательно взглянув на меня, резко в него подул.

Раздалась мелодичная трель, но ничего не произошло. Только, словно в ответ, слегка завибрировал перстень у меня на левой руке.

Дед немного подождал, внимательно глядя на меня, а затем довольно констатировал:

– Ну что ж, похоже, ты рассказал правду...

– Вообще-то мы попали в ваш мир не совсем ненароком, – решил уточнить я. – Я знал, что ухожу в другой мир. Не знал только в какой, да и выхода другого у меня не было.

Дед бросил на меня еще один изучающий взгляд, согласно покивал головой и задумчиво, про себя, произнес странную, на мой взгляд, фразу:

– Значит, выход все-таки есть... Значит, границы не непроходимы... – Потом, помолчав немного, продолжил: – Так вот, Белоголовый... – так я вторично услышал прозвище, которое потом прилипло ко мне надолго, – ...я вам помочь вряд ли смогу. Нет у нас в округе таких мест, где бы люди или животные пропадали. Правда, я слышал, что в горах за Черной скалой есть перевал, называемый Косым, и что на этом перевале порой творятся непонятные вещи, в том числе вроде бы и люди пропадали. Даже рыцари в полном вооружении. Но слух этот давний. В горы уже давно никто не ходит...

– Почему? – переспросил я.

– А зачем туда идти? После Великой Войны и Небесного Удара горы стали непроходимыми и очень опасными, так что людям там делать нечего. Придется вам идти к Многоликому, к его Черной скале. Если кто и поможет, то только он.

– Еще захочет ли он помогать?..

Старик сурово посмотрел на меня, а затем, вспомнив, видимо, что я чужой в его мире, ответил:

– Многоликий поставлен заботиться о людях. Раз ты на его земле, он тебе обязательно поможет. Только вот не знаю, как вы до него доберетесь?

Он снова взглянул на меня, на этот раз как-то оценивающе.

– Тебе бы, Белоголовый, коня положено иметь да десять-двенадцать ликов. Голова-то, глянь, прям сусальное золото.

Я не понял, какая связь между моей головой, конем и «ликами», но тут же подумал, что мне действительно не помешал бы Борзый – гнедой, статный жеребец, с которым я очень сдружился за время пребывания на полигоне. Старик, видимо, поняв мое замешательство, пояснил:

– В наших краях люди со светлыми волосами очень редки. Они, как правило, владельцы сеньоры и всегда имеют много личин. Так что вам, белоголовым, одноликими быть-то не положено. – Он вздохнул и продолжил: – Мальчонке-то твоему, Даниле, по его возрасту да голове уже лика три-четыре положено иметь, а он...

Тут он вдруг посуровел и недовольно добавил:

– Правда, говорят, сейчас многие отказываются от многоличья. И среди сеньоров тоже. Мы-то живем на отшибе, новости к нам долго тащатся, но, слыхать, появился в нашей земле не то колдун какой-то, не то волшебник, так он вроде бы объявил многоличье вредным... или неправильным... не знаю. Только по его получается, что людям обличье менять нельзя. А кто с ним не согласен, те, говорят, долго не живут. К нам его проповедники еще не забредали, да и то сказать – кому здесь проповедовать, нас всего-то на выселках четырнадцать человек. А по городам этот... колдун вроде бы большую силу взял.

Старик опять ненадолго замолчал, словно задумался.

– Так вот, – продолжил он, – коня мы тебе не достанем. Неоткуда. Но снеси в дорогу соберем, еще кое-что с собой дадим. Дорогу разобьясним. Провожатого бы вам... Да нет, никто не пойдет. Некогда.

Он глянул на небо. Там, в чернильно-фиолетовой бездне ярко горели гроздь лучистых сиреневых звезд.

– Ладно. Спать надо ложиться. И вам надо как следует отдохнуть. Путь-то неблизкий. Да еще пешком. – Он снова взглянул на небо. Я тоже поднял глаза.

Когда я оторвался от притягивающего звездного блеска, старика рядом уже не было. Он ушел так же бесшумно, как и появился.

Я уже совсем собрался возвращаться в свою комнату, как вдруг услышал громкий шепот, раздававшийся из-за кустов, окаймлявших садовую дорожку.

– ...Ну почему не получится?.. Ну почему? Ты же даже не попробовал!.. Ты же большой!.. Попробуй!..

Шепот явно принадлежал Соне.

– И пробовать нечего... Тоже мне, нашла дурака! Я тебе уже объяснял – там, откуда я пришел, люди не могут превращаться в зверей. И нечего мне пробовать, все равно не получится!.. – зашептал в ответ серьезный Данила.

– Да, не получится, – огорченно согласилась Соня. – Дед говорит, что надо очень захотеть, просто почувствовать себя тем, кем ты хочешь стать! А ты не хочешь...

Она немного помолчала, а потом тихо добавила:

– А дед сказал, что ты очень способный, а дядя Илюха – вообще колдун...

– А за колдуна по шее получить можно... – повысил голос Данила. – Дядя Илья меня знаешь откуда вытащил! И вообще, первый раз человека увидели – и сразу колдуном обзывать!

– Ты чего!.. «Обзывать», – возмутилась вдруг Соня. – Это, может, у вас, у одномордых, колдун – обзывание, у нас колдун – это знаешь!..

По ее тону было понятно, что у них, у... не знаю, уж как и назвать, ну ладно... «у них» колдун – это высшая степень уважаемости и образованности. Хотя интересно, с чего это ее дед решил, что я – колдун. Да еще такой серьезный. А тайный разговор между тем продолжался.

– А за одномордого по шее получить можно... – начал повторяться Данила. – Какой я тебе «одномордый»? Подумаешь, тоже мне... двуликий Янус нашелся!..

Имя он переврал, но было интересно, откуда это Данила знал сие римское божество.

– А это кто?.. – тут же заинтересовалась Соня.

– Это у нас на Земле божество такое было, – наставительно поведал Данила. – У него сразу два лика, спереди и сзади.

– Сразу два! – изумилась Соня. – Не по очереди?!

Секунду помолчав и, видимо, придя в себя от изумления, она горячо зашептала:

– Вот видишь! У вас тоже многоликие были, а ты не хочешь попробовать. Это же так просто! Ну что, ты никогда не чувствовал себя какой-нибудь зверушкой или птичкой? Тебе что, никогда не хотелось полетать или поплавать?..

– Знаешь что, Сонька, ты от меня отстань! Я уже тебе сказал – не смогу! Не умею! У нас в школе этому не учат...

Тут я решил вмешаться:

– Ну, Данила, это не аргумент, в наших школах многому не учат...

За кустами притихли. Потом раздалось шуршание и на дорожке появился Данила, а за ним и хитренькая мордашка Сони высунулась из кустов.

– Как ты считаешь, – продолжил я, улыбнувшись, – меня вот этому в школе научили? – И, тряхнув небрежно кистью, я пробормотал короткий наговор.

Посредине соседней цветочной клумбы появился здоровенный бурый заяц, колотивший в стоящий рядом с ним барабан картофельной толкушкой и отбивным молотком. Правда, при этом не раздавалось ни звука. Глаза ребятишек стали размером со старый, советский пятак, а Соня даже слабо охнула. Заяц энергично продолжал извлекать из барабана абсолютно бесшумную музыку, а я с удовольствием рассматривал свой довольно удачный морок.

– А почему музыки не слышно? – пришел в себя Данила.

– Ну что ж ты хочешь, чтобы он всю округу перебаламутит. Люди все-таки отдыхают...

Соня между тем медленно, словно сомнамбула, вытянув вперед ладошку, приближалась к бодро размахивающему лапами зайцу. Наконец она коснулась его, но ее крошечные пальчики беспрепятственно прошли сквозь бурую шерстку, лишь слегка окрасившись в коричневое. Тут она взвизгнула, и заяц пропал.

– Значит, ты действительно колдун? – Данила был удивлен.

– Ну какое же это колдовство? Так, небольшой фокус...

– А еще?.. – Соня уже стояла рядом, приплясывая от нетерпения и возбужденно поблескивая своими темными глазами.

– Дядя Илюха, сотвори коршуна зеленого! Ну сотвори!..

«Интересно, зачем ей зеленый коршун», – подумал я, но вслух сказал:

– Нет, ребята. Сегодня уже поздно, поэтому ничего творить не будем. Тем более что зеленых коршунов я никогда не видел, а сочинять невиданные мороки слишком сложно. Мы сейчас отправимся спать, а завтра я вам что-нибудь еще покажу.

Я поднялся со своей скамейки и, взяв ребятишек за руки, медленно двинулся к дому. Ребята шлепали по песку дорожки голыми подошвами и помалкивали. Только когда мы уже подошли к крыльцу, Данила пробормотал себе под нос:

– Может, действительно волка попробовать? – но я не обратил на его слова внимания.

7. УТРО

5 июня 1999 года. Я очень люблю получать подарки. Еще больше я люблю дарить подарки. Да и вообще, подарок — это вещь, которая встречается довольно часто. А вот Дар, в смысле — Дар одного человека другому, вот это встречается довольно редко. И зачастую Дар оборачивается Жизнью... Или возможностью ее спасти...

«Как же все-таки хорошо у Ворониных на даче по утрам! Особенно до тех пор, пока соседи еще не приступили к строительным работам».

Это была первая моя мысль, когда я проснулся утром от теплого следа, оставляемого солнечным зайчиком, медленно скользящим по моей физиономии. Но через мгновение я открыл глаза и рывком сел на своей узкой постели.

Данила, свернувшись калачиком, спокойно посапывал напротив. Его одеяло, конечно же, валялось на полу, а по его курносой рожице блуждала слабая улыбка. Я встал и подошел к окну. Солнце поднялось еще не высоко. Дома я определил бы, что сейчас часов шесть утра. А здесь...

Но утро наступает в любом мире, как я тогда думал. Надо было приниматься за дела, готовиться к дороге. Хотя что мне, собственно говоря, готовить?

За окном шла своя, давно и прочно установившаяся жизнь. Отец Сони, одетый в коричневый комбинезон, как раз выходил за ворота, держа на плече небольшой шест с прикрепленным к концу странным сельскохозяйственным орудием, похожим на большие изогнутые ножницы. На дороге его дожидались еще двое мужчин в похожей одежде и с инструментами в руках. Кивнув друг другу, они вместе направились по дороге в сторону леса, из которого нас с Данилой вчера привела Соня.

Я быстренько натянул майку и джинсы, сунул ноги в кроссовки и, не завязывая шнурков, тихо направился к лестнице. Спустившись на первый этаж, я посетил туалет и вышел оттуда, окончательно смыв с себя сон, готовым к наступающему дню.

В коридорчике меня поджидала Соня. Она вообще как будто не ложилась. Одета она была сегодня в маленький коричневый комбинезончик, на голове у нее был повязан желтый платок, а ноги обуты в короткие, широкие сапожки. Увидев меня, она быстро подбежала, схватила меня за палец и требовательно дернула вниз, так что я вынужден был пригнуться. Она тут же зашептала мне в ухо:

— Дядя Илюха, ты сегодня сотворишь зеленого коршуна?

— Да зачем он тебе, этот зеленый коршун? — Я невольно улыбнулся ее настойчивости.

— Пусть дед посмотрит, как он выглядит со стороны! А то каждую неделю в коршуна перекидывается, а не знает, что над его коршуном все подсмеиваются!

— А я думаю, что твой дедушка все прекрасно знает. Только ему все равно. Его не трогает чей-то там смех, когда он начинает скучать по крыльям. Разве важно, какого цвета у тебя перья, если ты хочешь и можешь летать? — Я улыбнулся, увидев ее удивленную рожицу. Похоже, такая мысль ей в голову не приходила.

— А потом, в моем мире, например, многие птицы имеют зеленое оперение. — Ее глаза тут же зажглись жгучим интересом, и я, избегая дальнейших расспросов, поспешил добавить: — Я, пожалуй, пойду разбужу Данилу. А то после вчерашнего он будет спать слишком долго, а нам надо отправляться на поиски своей дороги.

Я потрепал Соню по темной голове. Она явно огорчилась моим нежеланием продолжать столь интересно начавшуюся беседу, но как благовоспитанная барышня и к тому же хозяйка взяла себя в руки и с достоинством сказала:

– Вы спускайтесь в столовую завтракать, а потом дедушка велел привести вас к нему в мастерскую.

Я начал подниматься к себе наверх, а Соня побежала в сторону кухни.

Когда я вошел в комнату, Данила уже проснулся и, сидя на постели, натягивал свою желтую майку. Услышав, как я вошел, он поднял на меня глаза и с ходу заявил:

– Нам надо уходить... Побыстрее...

– Почему? – удивился я.

Он вроде бы смутился, но твердо повторил:

– Я точно знаю, нам надо уходить!.. – и полез под кровать в поисках своих сандалий, которые остались дома.

– Ну а позавтракать и поговорить с Сониным дедушкой мы успеем? – с некоторой иронией спросил я.

Данила на мгновение замер, словно мой вопрос носил чисто арифметический смысл и он просчитывал ответ. Через мгновение из-под кровати раздался ответ:

– Успеем. Если недолго...

Мы спустились вниз, и Данила направился в сторону туалета, а я в столовую. Там находилась одна Лайта. Она уже поставила на стол две миски, кувшин с молоком и две кружки. На отдельной тарелке лежали крупные куски темного ноздреватого хлеба, а рядом в маленькой мисочке желтел кусок масла.

Не успел я усесться на свое место, как в столовую вбежал Данилка, поблескивая мокрыми вихрами, и быстро устроился за столом напротив меня. Лайта из большого горшка положила в наши миски солидные порции густой, горячей каши.

– Масло можете положить в кашу сами или, если хотите, намазывайте себе хлеб, – улыбнулась она и, проходя мимо Данилы на кухню, пригладила его торчащие волосы. Данилка почему-то покраснел и склонился над своей миской.

Я намазал два солидных ломтя хлеба маслом, протянул один Даниле, и мы молча принялись за еду. Семья, видимо, уже позавтракала, мы за столом были одни. Быстро расправившись с удивительно вкусной кашей и выпив по стакану молока, мы уже собирались встать из-за стола, когда в комнату влетела Соня. Она подбежала к столу, убедилась, что мы закончили свой завтрак, и выпалила:

– Наелись? Пойдем к дедушке, он вас уже ждет.

Втроем мы вышли из столовой, а в коридоре Соня привычно ухватила Данилу под руку, а меня за палец и буквально потащила за собой. Мы вышли во двор, обогнули дом, пересекли задний двор и вошли в открытые ворота низкого сарая. У дальней его стены четырехликий Навон возился около широкого верстака. Когда мы подошли ближе, он как раз доставал из открытого люка в полу под верстаком длинный сверток из мешковины, перетянутый прочным шпагатом. Его седые волосы были зачесаны назад и схвачены надо лбом витым кожаным ремешком. В полумраке сарая его можно было принять за обычного русского старика-ремесленника.

Соня отошла в сторону и уселась на траве под стеной сарая, а мы с Данилой вошли внутрь. Четырехликий Навон положил свой сверток на верстак и повернулся к нам.

– Позавтракали... – не то спросил, не то просто констатировал он.

Затем, улыбнувшись Даниле, он повернулся ко мне.

– Смотри, Белоголовый! – Он подвинул поближе лежавший на досках верстака лист плотной сероватой бумаги. – Идти вам надо к Черной скале. Вот где вы находитесь сейчас. – Он ткнул лучинкой в жирную точку на рисунке. – Отсюда вам надо двигаться в сторону

города Лоста. Идти можно по дороге, а можно через лес. – Лучинка в руке деда побежала по бумаге. – И так, и так доберетесь вы до него не раньше вечера, если, конечно, вас кто-нибудь не подвезет...

– Нет, мы пойдем лесом! – перебил деда Данила. Тот внимательно на него посмотрел, а затем, неожиданно для меня, согласно кивнул.

– Тогда с того места, где вы вчера встретили Соню, пойдете точно на восток, – лучинка побежала по бумаге, – часа через два выйдете к старой рябине. Она одна стоит на большой поляне, мимо не пройдете. От нее начинается заметная тропинка, по ней к вечеру доберетесь до Лоста. – Дед уперся в меня внимательным взглядом, помолчал, а затем продолжил: – Там вы найдете постоянный двор «Три копыта» и передадите от меня привет его хозяину, трехликому Вару. Трактир его находится на окраине города, но, правда, вам придется пройти через весь город. Вар устроит вас на ночлег, накормит и соберет чего-нибудь в дорогу. Оттуда вы пойдете к реке, к Нароне, вот, гляди...

Навон снова вернулся к своему чертежу.

– Здесь имеется хорошая дорога, но можно попробовать снова пройти лесом... – Он на мгновение хмуро задумался, а потом добавил: – Правда, лес этот имеет очень дурную славу...

– Что за слава? – сразу заинтересовался я.

– Нет, это не то, что ты думаешь, никаких исчезновений. Просто в этом лесу уже достаточно давно орудует волчья стая. А предводитель у них белый волк-оборотень. Нет, не человек, перекидывающийся волком, это просто и привычно, и такие волки на людей не нападают. Это истинный волк, имеющий способность растворяться в чужом сознании и подчинять его. Человека он, конечно, полностью подчинить не может, разве что маленького ребенка, а вот зверье ему подвластно практически любое. На него уже не раз объявлялась большая охота, только все бесполезно – он всегда знает, что ему приготовили, и всегда уходит, прикрываясь другими животными. Самое большое, что удавалось, – это перебить часть его стаи, только через некоторое время он снова собирал ее. Поэтому идти лесом от Лоста до Нароны очень опасно. И лес этот прозвали Дохлым... – Он снова внимательно посмотрел на меня. – Но решать, каким путем идти, будете в Лосте. Может, Вар что посоветует. Я не знаю, как вы переправитесь через реку, но на другом берегу Нароны вам любой подскажет, как добраться до Черной скалы. Там власть Многоликого незыблема, а порядок и закон поддерживаются железной рукой. – Он вдруг улыбнулся.

Дед сложил карту и протянул ее мне. Затем посмотрел на Данилу и сказал:

– Тебе, молодой человек, для путешествия надо сменить одежду. Твоя не годится для наших лесов.

Он подтянул к себе небольшой сверток и развернул его. Это оказался уже знакомый комбинезон из плотной темно-бурой ткани с большими накладными карманами. В него были завернуты короткие сапожки со срезанными наискосок голенищами и мягкий берет. Я посмотрел на Данилу и увидел, что он с удовольствием разглядывает предложенное платье.

– Давай переодевайся... – подвинул Навон одежду Даниле.

Тот сгреб ее с верстака и отправился в дальний угол сарая, а дед повернулся ко мне:

– Тебе мы предложить, к сожалению, ничего не сможем – все, что нашли, тебе будет не по росту. Поэтому свою одежду прикроешь вот этим. – Он протянул мне кусок темной ткани, оказавшийся недлинным широким плащом, с широким отложным воротником, застегивавшимся большой круглой пряжкой белого металла с зеленоватым, непрозрачным камнем. В центре камня тлел непонятным внутренним светом короткий завиток. Из-под воротника на спину опускался широкий, свободный капюшон.

Я накинул плащ на плечи, замкнул пряжку, и он сразу скрыл меня под своими крупными, мягкими складками. И хотя плащ доходил мне лишь до колен, старик одобрительно кивнул.

Затем он двинул в мою сторону по верстаку небольшой мешочек, скорее котомку.

– Здесь дочка собрала вам в дорогу поесть. Там мясо, хлеб, немного пирогов и сухарей. До Лоста точно хватит, а там Вар что-нибудь придумает... – Он вдруг замолчал, а затем, понизив голос почти до шепота, проговорил: – Ты, Белоголовый, прислушивайся к тому, что твой мальчишка говорит. Он, по-моему, видит будущее...

В этот момент к нам вернулся переодевшийся Данила. Комбинезон пришелся ему в самый раз, а лихо заломленный на затылок берет напомнил мне наших доблестных морпехов. Притопнув каблуками, он звонко доложил:

– К выходу готов!

Мы с Навоном улыбнулись, но дед быстро стер улыбку с лица.

– Теперь самое главное. – Он сделал паузу и значительно произнес: – Оружие... У нас в округе его практически нет. Вам повезло, что в свое время мне довелось служить в гвардии Многоликого. Вот, смотри. – Он начал разворачивать тот самый сверток, который достал из-под пола.

Первой из-под откинутого угла большого плотного платка появилась длинная шпага в потертых коричневых кожаных ножнах. Дед ласково провел своей морщинистой рукой по всей длине клинка и протянул его мне.

– Сталью-то, поди, владеешь?.. – дрогнувшим голосом произнес он. Я принял упрямый клинок и внимательно его оглядел.

Простую гнутую рукоять обвивал шершавый кожаный шнур, мездрой наружу. Гарда была простая итальянская, с перекрестьем. Но вместо обычной витой корзинки руку укрывала глубокая стальная чашка. С нее плавно стекали три узкие стальные ленты, охватывая руку прорезной полусферой и смыкаясь под граненым шариком противовеса. Вся поверхность чашки была симметрично рассверлена, и, приглядевшись, я понял, что каждое отверстие располагалось в маленьком индивидуальном углублении, таким образом, что если острие вражеского клинка вонзалось в чашку, оно неминуемо соскальзывало в одно из отверстий и застревало в нем. Да, мастер, изготовивший клинок, хорошо знал фехтование.

Я обнял пальцами шероховатую рукоять и медленно извлек жало клинка из ножен. Узкая, чуть больше дюйма, полоска стали длинно и матово перечеркнула полумрак сарая. Сразу стало ясно, что за клинком любовно ухаживали. Положив ножны на верстак, я сделал шаг в сторону, встал в боевую стойку и привычно повел правой кистью. Длинный, тяжелый, прекрасно сбалансированный клинок ответил изящным и легким движением. Тут краем глаза я заметил восхищенный взгляд Данилы и вспомнил, что он тоже начал заниматься фехтованием. Вернувшись к верстаку, я аккуратно вложил оружие в ножны и, несколько смущаясь своей наглости, проговорил:

– По-моему, к этому клинку должна быть пара. Мне кажется, это была дага...

Навон приподнял седую бровь и спокойно ответил:

– Очень может быть... Только у меня такой пары нет и никогда не было. А шпагу мне подарил Многоликий после одного дела... – Он улыбнулся своим мыслям.

Я кивнул и, еще раз осмотрев ножны, обратил внимание, что в двух местах их охватывают широкие, плоские, похожие на серебряные, полосы, причем верхнее было снабжено такой же петлей. Расстегнув на джинсах ремень, я вставил его в петлю, и через мгновение гарда шпаги спряталась у меня под плащом.

Навон развернул сверток до конца, и перед нашими глазами предстал небольшой арбалет с коротким ложем из темного дерева, стальной дугой лука и витой тетивой из конского волоса, зацепленной за один конец лука и обвитой вокруг ложа. Дед вопросительно взглянул на меня, и я взял арбалет в руки. С таким оружием я еще не встречался, но несколько минут внимательного осмотра дали мне возможность не только понять его устройство и принцип

действия, но и оценить оригинальность конструкции. Я откинул пару собачек и разложил на столе части разобранного оружия.

– Я думаю, носить его лучше в таком виде.

Старик улыбнулся и протянул мне небольшую сумку с кармашками для каждой части арбалета.

– Только вот стрел маловато. Всего шесть. – Навон выудил из платка маленькую связку коротких стальных болтов, оперенных заточенными металлическими лепестками. Я развязал бечевку и, внимательно осмотрев стрелы, аккуратно вложил их в предназначенные узкие кармашки оружейной сумки. Затем она заняла свое место на моем поясе.

И тут старик повернулся к Даниле.

– Я думаю, нам нельзя оставлять молодого человека без оружия, – произнес он с задумчивой улыбкой. – Как ваши руки, юноша, достаточно крепки?

Данила молча кивнул, а дед выудил из кармана своего комбинезона два одинаковых ножа с короткими деревянными рукоятками и обоюдоострыми лезвиями длиной в две ладони.

– Тогда позвольте вам предложить эту удивительную пару. – И он протянул ножи Даниле. – Они имеют особенность летать только острием вперед, правда, только в том случае, если отправлены в полет достаточно твердой рукой.

Данила взял по ножу в каждую руку и внимательно на них посмотрел, словно оценивая, а затем крутанулся на одной ноге, резко наклонился вперед и взмахнул правой рукой. В полумраке сарая словно сверкнула беззвучная молния, и в следующее мгновение в стену сарая, метрах в пяти от Данилы, с тупым стуком вонзился коротенький клинок.

Старик с удивлением посмотрел на Данилу, а затем отправился к пострадавшей стене, выдернул нож и, вернувшись, протянул его мальчику. Тот молча принял клинок и вложил оба ножа в карманы своего комбинезона, расположенные на бедрах.

Навон еще раз осмотрел нас, вздохнул и произнес:

– Вот вы и готовы. Но почему мне так тревожно... Словно я что-то забыл. – Он помолчал. – Ну что ж, в путь! А перед дорогой я хочу сделать один подарок тебе. – Навон положил свою ладонь на белобрысый затылок Данилы.

– Ты не веришь в то, что человек способен принимать облик животных. В твоем мире этого не было. Ты не веришь и поэтому не можешь этого сделать. Не можешь сделать первый шаг. Может быть, мой подарок поможет тебе сделать этот шаг...

И он протянул Даниле уже знакомый мне маленький серебряный свисток, покачивающийся на витом шелковом шнурочке.

– Когда тебе очень захочется стать каким-нибудь зверьком, свистни в него, возможно, к тебе придет вера и у тебя получится. Только когда тебе действительно очень захочется...

Он надел шнурок Даниле на шею и заправил свисток за ворот его комбинезона.

– Вот теперь все... – И старик двинулся к выходу из сарая. Мы пошли за ним.

Соня сидела там же, где мы ее оставили. Рядом с ней стояла ее мать. Когда мы появились в воротах сарая, Соня вскочила с травы и вместе с Лайтой подошла к нам. Я поклонился и, вспомнив, как нас приветствовали, торжественно произнес:

– Благодарю тебя, двулика Лайта, и тебя, двулика Соня, за приют и пищу, которыми вы поделились с нами. Пусть вам сопутствуют счастье и удача, а мы вас всегда будем вспоминать с благодарностью.

Они обе тоже поклонились. Дед стоял рядом и с улыбкой наблюдал за нами, не участвуя в нашем прощании. После взаимных поклонов Соня вдруг бросилась ко мне, и я подхватил ее на руки.

– Илья, ты еще придешь к нам? – жарко зашептала она мне в ухо, щекоча его своим дыханием. – Приходи, я тебе сову покажу. Я теперь совой стану, знаешь, такая большая птица, по ночам все видит...

– Я очень постараюсь, Сонюшка, – прошептал я ей на ухо и опустил ее на землю. Она тут же ухватила Данилу за руку и, оттащив его в сторону, принялась что-то ему настойчиво нашептывать, а тот согласно кивал ей в ответ. Наконец они закончили секретничать и вернулись к нам. Я взял Данилу за руку, Соня отошла к матери и ухватилась за подол ее платья. Деда уже не было рядом с нами, он как-то незаметно исчез. Мы с Данилой немного помолчали, прощаясь с нашими хозяйками одними глазами, а затем повернулись и пошли к воротам. Поворачивая за угол дома, я еще раз оглянулся. Лайта подняла Соню на руки. Они продолжали смотреть нам вслед.

8. ДОРОГА

Помните, Владимир Высоцкий советовал проверять друга на прочность горами? По-моему, дорога – это тоже серьезная проверка для человеческих качеств. Если, конечно, вы не катите в СВ или не слушаете гул двигателей в салоне аэробуса, а топаете собственными ногами по Матушке Земле...

Покинув деревеньку, мы быстро пересекли небольшое поле и углубились в лес. Однако, как только густые ветви деревьев скрыли нас в лесной прохладе, Данила остановился и, словно прислушавшись к чему-то внутри себя, пробормотал:

– Дядя Илюха, давай немного подождем... – и, встав за стволом высоченной сосны, начал наблюдать за дорогой, пересекающей деревню. Я присоединился к нему. Так мы простояли минут пятнадцать, и я уже собирался предложить двигаться дальше, как вдруг за последним домом, скрывавшим поворот дороги, показалось слабое облачко пыли, и через несколько секунд на деревенской улице появилось четверо всадников. Лошади у них были разномастные, да и держались в седлах они недостаточно уверенно, однако все четверо были вооружены пиками или легкими копьями, а у поясов посверкивали эфесами короткие палаши. Одеты они были в одинаковые коричневые камзолы и желтые штаны, заправленные в темные сапоги, и эта своеобразная форма показалась мне странно знакомой. Только я никак не мог припомнить, где я ее встречал.

Передний остановил лошадь и неловко спустился на землю. Потоптавшись, он передал повод остановившемуся рядом всаднику, подошел к воротам крайнего дома и что-то крикнул, но из ворот никто не появился. Он снова что-то прокричал и с тем же результатом, однако на этот раз у своих ворот появился четырехликий Навон и неторопливо подошел к приехавшим. Спешившийся энергично начал что-то говорить старику. Тот внимательно слушал, а затем согласно закивал и показал рукой в сторону другого конца деревни, одновременно что-то объясняя. После очередного вопроса он отрицательно замотал головой, а затем повел расспрашивавшего мужчину к себе во двор.

Данила рядом со мной вдруг судорожно вздохнул. Минут через десять они снова появились на дороге. Навон остался стоять в воротах, а его гость быстро взобрался на свою лошадь, и всадники, пришпоривая лошадей, рванули дальше по дороге. Старик долго смотрел им вслед сквозь облако поднятой пыли, а когда она почти осела, повернулся в сторону леса и замер, приложив ладонь козырьком ко лбу.

– Можно идти, – тихо проговорил Данила, и мы медленно углубились в чащу.

Минут пятнадцать мы шли молча. Утренний лес, полный солнца, птичьего щебета, обычных шорохов и шелеста, настолько был похож на наш подмосковный, что поневоле успокаивал и даже веселил. Если бы не шпага у пояса и не арбалет в сумке, постукивающей по ноге, могло показаться, что мы в пяти-шести десятках шагов от воронинской дачи и сейчас услышим, как Светлана зовет нас обедать. Но мы шагали и шагали, а никакого зова не было слышно. Постепенно мы втянулись в размеренное движение; подлесок почти не препятствовал ему, и тогда я негромко спросил:

– Слушай, Данилка, а откуда ты знал, что к нашим хозяевам заявятся гости?

Данила вполне оправился от вчерашних приключений и вел себя как вполне нормальный восьмилетний мальчишка на лесной прогулке. Другими словами, он передвигался бесшумным «индейским» шагом, прячась за встречавшимися кустами, приседал, пристально всматриваясь в заросли, и поминутно клал руку то на один, то на другой карман, со злове-

щим видом ощупывая свои великолепные ножи. После моего вопроса он возник справа от меня и, блеснув глазами из-под надвинутого берета, спросил в свою очередь:

– Какие гости?

Было понятно, что ему неинтересно отрываться от своей сложной игры из-за какого-то «взрослого» разговора.

– Я имею в виду тех четверых всадников, которые подъехали после того, как мы ушли.

– А я и не знал, что кто-то приедет. – Он пожал плечами.

– Но ты как только проснулся, сразу заторопился уходить.

– А... Это мне во сне мама сказала, что нам надо уходить как можно раньше...

– Как это – мама сказала? Ну-ка, объясни поподробнее.

Он посмотрел на меня, не понимая, что меня так заинтересовало.

– Да просто мне ночью приснилась мама и сказала, что как только утром мы проснемся, надо будет быстро уходить из Сониного дома, а то плохо будет и нам, и Соньке, и ее родным. Вот я и сказал, что надо уходить пораньше.

– И часто тебе такие сны с советами снятся?

– Почти каждую ночь.

– И что же, тебе каждую ночь снится мама?

– Нет. Иногда Ирина Алексеевна снится, это когда она меня к доске собирается вызвать. Она всегда ночью мне говорит, ну, во сне, что будет у меня спрашивать. Иногда Андрей Федорович, особенно если я тренировку пропустил. Иногда папа, но чаще всего мама снится. Она мне всегда что-нибудь рассказывает. Ну из того, чего еще не было, а только должно произойти. – Он немного помолчал и несколько недовольным тоном прибавил: – Она всегда рассказывает, что мне на день рождения подарят, а потом обижается, когда видит, что я знаю о подарке. Смешная такая...

Он замолчал, а я попытался обдумать его слова. Ирина Алексеевна была классным руководителем Данилы, Андрей Федорович – его тренером по фехтованию, его я знал достаточно хорошо по совместным занятиям. Из пояснений Данилы следовало, что те люди, которые занимались с ним учебой, снились ему накануне занятий, если собирались его спрашивать, и предупреждали о вопросах, которые будут ему предложены. А папа и – гораздо чаще – мама предупреждали его во сне о хороших или плохих событиях, которые должны произойти с ним в ближайшем будущем. Похоже, мальчишка имел дар предвидения и не придавал ему особого значения, считая чем-то самым собой разумеющимся.

– Значит, ты всегда поступаешь так, как во сне тебе советует мама? – продолжил я свои расспросы.

– Не-а. Помнишь, я джинсы порвал. На заборе. Мне мама ночью говорила, чтобы я с Димкой не ходил на стройку, а я забыл. Только когда на заборе повис, вспомнил... – Он горестно вздохнул, вспомнив свои любимые джинсы.

– Только сегодня ночью она мне прямо перед тем, как я проснулся, приснилась и строго так наказала. – Он помолчал и добавил: – Я вообще ее теперь всегда буду слушать.

– Ага. И мне рассказывать, что она тебе посоветует. Похоже, тебе во сне мама дельные вещи советует.

В этот момент боковым зрением я заметил какую-то черную тень, метнувшуюся в недалекие кусты. Но когда я перевел взгляд, на этом месте уже никого не было. Я остановился, задержал Данилу, положив ему на плечо руку, и прислушался. Ничего тревожного или подозрительного не было ни видно и ни слышно. Замерев на несколько секунд и послушав голос летнего леса, мы двинулись дальше.

– А перед тем, как мама тебя отвела к машине, она тебе снилась? – продолжил я разговор.

– Нет. Перед этим ты мне снился. Ты мне сказал, что меня увезут. Но надо будет ехать, а то маме плохо будет. И еще ты сказал, чтобы я не боялся, потому что ты сам за мной придешь. – При этих словах он не глядя протянул свою маленькую ладошку и ухватил меня за палец.

Так вот почему он не удивился и не испугался, когда очнулся в подземелье у меня на руках, догадался я.

– Значит, я тоже тебе снюсь?..

– Ага. Только редко.

Мы замолчали. Данила умерил свой исследовательский пыл и топал рядом со мной, доверчиво ухватившись за мой палец.

И снова мне показалось, что сбоку метнулась небольшая черная тень, но увидеть мне опять никого не удалось. На этот раз я не стал останавливаться.

– А больше мама тебе сегодня ночью ничего не сказала?

Даже не знаю, почему я задал этот вопрос, но Данила удивленно взглянул на меня и утвердительно кивнул.

– Она сказала... – он наклонил голову, – ...чтобы я сегодня пораньше лег спать. Только я думаю, если мы будем целый день идти, то спать-то я улягусь, как только смогу. – Он улыбнулся.

– Ты что, уже устал? – обеспокоенно спросил я, мы как-никак шагали уже больше часу.

– Нет еще, но, наверное, к вечеру устану... – ответил Данила.

– Если начнешь уставать, скажи, мы привал устроим.

– Лучше мы привал под рябиной устроим, – по-взрослому ответил он.

Тень третий раз мелькнула на границе зрения. Я остановился и огляделся. Никого не было. Я осторожно прощупал округу внутренним зрением – пусто.

«Или что-то у меня с глазами, или кто-то идет по нашему следу. Очень осторожно идет», – подумал я. Правда, мелькавшая тень была маловата для человека, но я помнил, что аборигены имели способность перекидываться в различное зверье.

– Знаешь что... – снова обратился я к Даниле, несколько сменив тон разговора, – давай-ка разделим секторы обзора...

– Как это?.. – Он с любопытством взглянул на меня.

– Я буду наблюдать вперед и влево, а ты – вперед и вправо. Если кто-то из нас заметит что-нибудь неожиданное, то сжимает ладонь, и мы замираем. Вот так... – Я перехватил ладошку Данилы и, чуть сжав ее, остановился, присев.

Данила тоже слегка присел и заозирался по сторонам.

Дальше мы пошли взявшись за руки и наблюдая каждый за своей стороной. Новая игра, видимо, пришлась Даниле по вкусу. Он перестал шастать по кустам и хвататься за ножи. Дважды он останавливал меня и напряженным шепотом сообщал, что «в его секторе обзора появилось неопознанное темное пятно». Оба раза ничего толком рассмотреть мы не смогли. Я тоже пару раз видел в недалеких кустах быструю темную тень, но останавливаться не стал.

Наконец, уже изрядно подустав, мы вышли на очень большую поляну, скорее даже прогалину в лесу. Прямо посередине этого свободного пространства, заросшего высокой травой и разными мелкими цветочками, росла огромная старая рябина. Я никогда не думал, что рябина может достичь таких размеров. Серый, даже седой, ее ствол был толщиной сантиметров тридцать и на высоте двух с лишним метров имел темное дупло. Густая, но при этом совершенно прозрачная крона, выметнувшись вверх на шесть-семь метров, бросала на окружающую траву резную шевелящуюся и шелестящую тень. Да, старик был прав, мимо такого дерева пройти действительно было невозможно.

Мы направились напрямик к рябине. Я внимательно оглядывал открывшееся пустое пространство, понимая, правда, что спрятаться здесь большому существу, например чело-

веку, совершенно негде. Но оставались еще змеи, маленькие хищники, да и вообще бдительность терять было нельзя. Но вокруг все было тихо. Даже слабый ветерок, сопровождавший нас всю дорогу по лесу, на этой поляне неожиданно затих. Под рябиной я расстелил свой плащ, сбросил мешок, и мы разлеглись в тенечке, словно уже давно договорились о привале.

Блаженно полежав минут двадцать в пахучей, мягкой траве, я сел и подтянул к себе свою котомку. Развязав затянутый ремешок, я наклонился над ней, для удобства привстав на одно колено.

– Так, посмотрим, что нам наши хозяйки в дорогу положили. Ибо по местным часам пора слегка перекусить... – Я подмигнул Даниле, улегшемуся на живот в траву рядом с плащом и довольно щурившему глаза.

Я запустил руку в котомку, и в это мгновение мне на плечи упало здоровое, мускулистое, хищное тело.

От неожиданности я покачулся, а свалившийся мне на спину хищник запустил стальные когти в ткань куртки и всем своим весом рванул в сторону, явно пытаясь меня повалить. Но я, во-первых, уже пришел в себя, а во-вторых, понял, что зверь, напавший на меня из засады, недостаточно крупный, чтобы со мной справиться. Поэтому, сделав вид, что ему удалось меня повалить, я опрокинулся на бок, но вместо того, чтобы просто растянуться, мгновенно перевел свое движение в перекат, пытаясь раздавить повисшего на моей спине агрессора. Однако и тот был начеку. Стоило моим плечам начать прижиматься к траве, как зверь тут же отскочил в сторону и замер.

Я вскочил на ноги. Данила стоял прижавшись к стволу рябины и сжимая в каждой руке по ножу. Его глаза горели азартом, но никаких поспешных действий он предпринимать не собирался. А напротив меня, выгнув спину дугой и оскалив белоснежные клыки, топтался здоровенный, угольно-черный... Ванька.

Я облегченно рухнул на плащ и погрозил Ваньке кулаком. Тот уселся, примяв задом траву, и начал спокойно вылизывать свои лапы, или, другими словами, заниматься своим любимым делом. Данила с интересом за нами наблюдал.

– Ты что, Ваньку не узнал? – спросил я мальчишку.

Тот еще раз внимательно оглядел кота и перевел изумленный взгляд на меня.

– Это ваш Ванька?..

Да, похоже, моему котяре удалось-таки удивить Данилу.

– Ну конечно. Ты что, в самом деле его не узнаешь?

– Нет! Этот кот вроде бы похож на Ваньку, только он раза в три больше... Я сначала подумал, что это такая странная рысь на тебя напала. А Ванька – он же такой... небольшой. – Данила озадаченно замолчал под изучающе-пренебрежительным взглядом, который бросил на него мой черношерстный друг.

– А ведь, пожалуй, это действительно Ванька... – произнес Данила задумчиво через несколько секунд.

– Можешь в этом не сомневаться. И это именно он преследовал нас в лесу. Помнишь ту темную тень?..

Данила кивнул, не отводя глаз от кота. Тот невозмутимо продолжал свои гигиенические процедуры.

– А ты знаешь, дядя Илюха, у него на боку какая-то бумажка наклеена, – вдруг заявил Данила.

Я отвлекся от изучения содержимого нашей котомки и посмотрел на Ваньку. Он сидел ко мне боком, но Данила мог его видеть с другой стороны во время нашей схватки. Поэтому я поднялся на ноги и медленно подошел к Ваньке. Он посмотрел на меня своим изумрудным глазом и тут же улегся в траве, подставив черную спину солнышку. Действительно, к его черной шерстке прилепилась узенькая полоска бумаги. Наклонившись, чтобы снять ее, я

понял, что бумажка не прилепилась, а была специально приклеена к Ванькиной шерстке скотчем. Я осторожно отлепил бумажку. По узкой клетчатой полоске, неровно отрезанной ножницами, бежали мелкие строчки:

«Пять часов после твоего ухода. Ванька скандалит у входа, требует, чтобы его выпустили во двор. Думаю, он идет к тебе. Юра Светлану отвез в больницу. У нас все в порядке. Береги себя. Л.»

Я трижды прочел послание, удивляясь, как смогла Людмила догадаться, что Ванька уйдет за мной. И как... Нет! Моя жена – совершенно непостижимая женщина!

Медленно свернув записку, я сунул ее в нагрудный карман и тут же, встретившись с вопросительным взглядом Данилкиных глаз, вытянул ее назад и подал ему. Он развернул записку, шевеля губами, прочитал ее и вернул мне. Я снова засунул ее в карман.

Настроение у меня сразу и значительно улучшилось. Нас помнят! Нас любят! Нас ждут! Этого вполне достаточно, чтобы выбраться из любых передрыг. В конце концов, мы не можем огорчать любящих нас!

Вернувшись к действительности, я извлек из торбы четыре больших и толстых бутерброда с вареным мясом, кусок сыра, пучок вымытой редиски, пяток завернутых в чистую тряпицу пирожков и две глиняные бутылки – одну со вчерашним пивом, а другую с каким-то фруктовым компотом. Когда продукты питания оказались на плаще, Ванька поднял голову, разлепил щелочки глаз, внимательно все осмотрел, медленно, с достоинством поднялся и направился к еде. Осторожно и деликатно все осмотрев вблизи, он ухватил зубами один из пирожков, а когтями левой лапы шмат мяса с одного из бутербродов и поковылял на трех лапах обратно на свое место, где с довольным урчанием принялся за отобранные продукты. Данила с широко открытым ртом наблюдал за его действиями.

– Давай присоединяйся, – вывел я его из задумчивости. – А то так и просидишь с открытым ртом и пустым брюхом!

Он захлопнул рот и присел на краешек плаща. Прихлебнув из бутылки компоту и принявшись за пирожок, он продолжал краем глаза косить на Ваньку, видимо, все никак не мог привыкнуть к его столь необычному виду.

– Да не обращай ты внимания на Ваньку, – легко толкнул я его в плечо. – Это боевой кот. Он способен переходить из мира в мир и принимать наиболее подходящее кошачье обличье. Ты себе представить не можешь, как я рад, что он с нами. Это такой товарищ, что лучше и пожелать нельзя!

– Ты так говоришь... – пробурчал Данила с набитым ртом, – ...что можно подумать, будто вы вместе уже где-то побывали.

– Конечно, побывали! Мы с Ванькой, что называется, вместе не один пуд соли съели. Он, можно сказать, мне жизнь спас!

Данила тут же перестал жевать и выпучил на меня свои глазищи.

– Ешь, ешь, – усмехнулся я. – Как-нибудь будет время – расскажу тебе сказку о нашем первом походе...

Поев и убрав остатки продовольствия в котомку, мы еще с полчаса повалялись на травке, а затем двинулись дальше.

Прямо от рябины действительно начиналась довольно заметная тропка, петлявшая через лес. Кто по ней ходил, было непонятно, но узенькая дорожка была явственно натоптана, и потерять ее было невозможно. Поэтому после обеда мы стали двигаться значительно быстрее. Ванька, правда, крался не по тропинке, а сбоку от нее, изредка появляясь то с одной, то с другой стороны. Окружавший нас лес был явно глухой, но достаточно чистый и светлый, весь пронизанный и согретый летним солнцем. Настроение у нас с Данилой было бодрым настолько, что мы с ним даже попытались спеть его любимую «Славный парень – Робин Гуд», но Высоцкий без гитары быстро выродился в какой-то невнятный речитатив.

Именно в этот момент мы его и повстречали. Его – в том смысле, что он и сам не знал, как его называют. Ну не было у него имени. Это уже потом он стал откликаться на прозвище Дух. Наша встреча произошла самым замечательным образом.

На одном из поворотов тропинки я немного приотстал по личной нужде, а когда догнал Данилу – он и ушел-то вперед всего шагов на десять, – то увидел, что рядом с ним вышагивает высокий детина в плаще, очень похожем на мой.

– Эй... – растерянно окликнул я их. Они разом повернулись, причем я заметил, как рука Данилы легла на один из ножей. Но мне тут же стало не до наблюдений за своим спутником. Рядом с Данилой стоял... я.

Это был настолько я, что у меня самого перехватило дыхание. По моему мнению, даже зеркальное отражение не дает подобного сходства. А при этом еще надо принять во внимание, что я, по всей видимости, стоял с отвалившейся челюстью, а этот тип очень довольно улыбался. Данила отскочил с тропы в сторону и замер, перескакивая глазами с одного меня на другого. Именно его растерянный вид и привел меня в чувство. А кроме того, до меня вдруг дошло, что этот парень, похоже, ничего плохого и не замышляет. Во всяком случае, по прошествии нескольких секунд мне удалось недовольно выдавить из себя:

– Ты это что ребенка пугаешь?..

Этот тип улыбнулся еще шире. Должен признаться, что меня порадовало обладание столь располагающей улыбкой, в конце концов, это была моя улыбка, правда, я ее впервые видел со стороны. Но когда я услышал собственный голос, нагло заявивший мне:

– Сам ты ребенка пугаешь!.. – моему возмущению не было предела.

– Ты еще и огрызаться будешь?.. – Я выдвинул вперед челюсть и напустил на себя самое свое зверское выражение.

Однако моя копия улыбнулась еще шире, хотя, по-моему, это было уже в принципе невозможно, и заявила:

– Еще посмотрим, кто это огрызаться будет...

Я слегка опешил, но тут же продолжил свой «наезд».

– Да ты кто такой. Ишь ты, зубы скалит... – Тут я вспомнил, что на поясе у меня шпага. Я откинул плащ и положил руку на эфес.

– Доставай свою железяку, будем разбираться – кто есть кто!

Но на этот раз его улыбка как-то увяла. Он растерянно почесал в затылке и заявил:

– А если я не знаю, кто я? – Но тут же детинушка вернул свой оскал на место и добавил: – Вот он... – он ткнул пальцем в сторону Данилы, – ...называет меня «дядя Илюха», и я не против, чтобы меня так называли.

Такой наглости я уже стерпеть не мог.

– Зато я против! Это я «дядя Илюха». – Мой вопль был подобен... уж даже не знаю чему, только этот белокрысы дылда здорово растерялся. Он снова поскреб свой затылок и спросил:

– А я тогда кто?..

– Вот это мне и хотелось бы выяснить!.. – Мой сарказм мог прожечь дырку в металлическом листе толщиной в пять миллиметров.

– А ты можешь это выяснить? – с надеждой поинтересовался мой дубликат.

Я несколько успокоился. Все-таки он не настаивал на том, что он – это я. Поэтому шанс разобраться в наших весьма похожих физиономиях был весьма высок.

– Если бы я точно не знал, что у меня нет братьев-близнецов, я принял бы тебя за такого брата. Хотя какой там близнец, ты же просто моя копия!

Он снова довольно улыбнулся и нагло заявил:

– А почему я не могу быть на тебя похожим, если ты мне понравился? И почему меня не могут звать так же, как тебя, если я, как ты сам говоришь, совсем на тебя похож?

Я не заметил как, но Данила боком-боком передвинулся поближе ко мне, и после последнего заявления этого чучела мы оба уставились на него, широко открыв глаза.

– Так ты что, дяденька, можешь стать похожим на любого, кто тебе понравится?.. – Данила первым пришел в себя.

– Ну конечно! И не похожим, а любим! – самодовольно ответил тот.

– А сам-то ты как выглядишь? – продолжил я милую беседу трех потенциальных клиентов психиатра.

– Что значит – я сам?.. – растерялся я второй.

Мы с Данилой посмотрели друг на друга.

– Ну... – затанул я, – я вот выгляжу вот так.

Я развел руки, демонстрируя себя. Можно было подумать, что этот тип не знает, как я выгляжу.

– Данила выглядит вот так... – Я, слегка отступив в сторону, повел обеими ладонями в сторону Данилы, как бы предлагая им полюбоваться.

– Еще с нами идет кот, Ванька. Он выглядит... – Я пошарил глазами вокруг и тут же почувствовал легкое прикосновение к своей ноге. Ванькин взгляд ясно говорил, что «он давно уже здесь стоит!».

– Вот!.. – Я ткнул в сторону зверя. – Вот так выглядит каждый из нас! А ты как выглядишь?..

Выглядел он после моих объяснений достаточно ошарашенно.

– И что, это вот... – он неловко обвел нас странным круговым движением рук, – ...как вы... это вот... выглядите, вы это... вы что, это сами себе придумали и так стали выглядеть? И потому, что вы это сами себе придумали, мне уже теперь так вот, как вы, уже выглядеть нельзя?

Выразился он достаточно путано, но общий смысл до меня дошел и заставил меня задуматься.

– Понимаешь... – начал я после нескольких секунд лихорадочных размышлений, – ...мы, конечно, не сами сочинили свой облик. Мы с Данилой – люди, и наш облик нам подарила матушка природа да наша наследственность. И мы привыкли к тому обстоятельству, что любое существо, предмет, ну в общем, любой объект, имеет свое, так сказать, физическое, материальное воплощение. Получается, что ты, по твоим собственным словам, такого материального воплощения не имеешь. Но ты же как-то выглядел, когда еще не был знаком с нами?

После моей замечательной тирады он, не отвечая на поставленные вопросы, уселся на торчавший из травы пенек и, снова почесав затылок, горестно вздохнул.

– Это что ж такое получается. И природа эта ваша обо мне не позаботилась, и наследственности у меня никакой нет, кстати, интересно было бы узнать, кто она такая, и этого... «материального воплощения» я не имею... – Он поднял голову и, с надеждой взглянув на нас, спросил: – Ты говоришь, что вы люди. Может, я тоже людь, и мне надо эту самую наследственность свою поискать? Вы бы мне показали, какая она такая. Может, она у меня была да я ее обронил где-нибудь?..

– Нет, дорогой, – с некоторым превосходством ответил я. – Наследственность потерять нельзя. Она передается из поколения в поколение, от родителей детям. Она заложена в наших генах.

– А гена это кто?.. – тут же поинтересовался этот чужак.

– Не «гена», а – гены, – уточнил я. – Это такие... Ну в общем, это очень сложно понять без специальной подготовки...

– Дяденька... – перебил меня оправившийся от испуга и удивления Данила, – ...а вы не помните, как вы выглядели, когда ни на кого похожи не были?.. Ну когда только на свет появились?

Наш странный знакомый наклонил голову набок и задумался. Мы помолчали. Потом он снова перевел взгляд на нас и неуверенно произнес:

– Это так давно было. Я уже точно и не помню.

И тут он вскинул голову и раздраженно воскликнул:

– Как же я могу помнить, каким я был, если я себя ни разу не видел! Вы-то сами где себя видели?.. – Он внезапно осекся, вспомнив, видимо, что я сразу узнал в нем себя, а значит, знал, как выгляжу.

И тут Данила залез в один из своих многочисленных кармашков, вытянул маленькое круглое зеркальце и принялся пускать солнечный зайчик прямо в физиономию моего странного двойника.

– У нас, дяденька, есть такие вот приборы, и они разного размера. Когда мы хотим себя видеть, мы смотрим в такой прибор, и все дела!

Незнакомец робко и просительно протянул руку. Данила, слегка поколебавшись, пробормотал:

– С отдачей... – и вручил ему зеркальце.

Тот сначала недоверчиво, а затем все с большим интересом принялся себя рассматривать. Через несколько минут он, не отрывая глаз от круглого кусочка стекла, начал корчить такие рожи, что я испугался за его рассудок и свое лицо. И тут он горестно воскликнул:

– Где ж ты, маленький колдун, был раньше! Теперь я никогда не узнаю, как я должен выглядеть на самом деле!

Данила неожиданно подскочил к нему, выхватил свое зеркальце и тут же спрятался за меня. Мой двойник угрожающе привстал со своего пенька.

– Спокойно... – Я выставил вперед руку и торопливо продолжил, стараясь отвлечь его внимание от мальчика: – Допустим, что ты не помнишь, как должен выглядеть. Действительно, имея возможность превратиться в кого угодно, можно вполне забыть свою собственную физиономию. Но как тебя звать-то, ты, надеюсь, помнишь?

– Никак меня не звать... – Он явно смутился. – Ты же не хочешь, чтобы меня звали дядя Илюха?

– Но другие люди как-то тебя называют? – Этот тип постоянно меня путал.

– С чего бы это им меня как-то называть, если я стараюсь с ними никогда не встречаться. У меня к ним дел нет, разговаривать мне с ними неинтересно. И вообще, мне от них ничего не надо... – Он помолчал, а затем задумчиво добавил: – И им от меня тоже...

Мне в голову вдруг пришла смешная мысль. Я улыбнулся и заявил:

– Хорошо, мы тебе поможем. Сначала попробуем сделать так, чтобы ты принял свой естественный облик, а потом придумаем тебе имя.

Я расставил ноги, поднял руки, направив растопыренные ладони на этого безымянного бедолагу, и суровым, скрипучим голосом начал вещать:

– Проводим психокинетический эксперимент по возвращению аборигену утраченного облика. Сядь, абориген, на пенек и расслабься.

Он ошарашенно опустил на свой пенек и спросил:

– А что значит психокинетический абориген и это... «расслабься»?

– Абориген – это местный житель, а «расслабься» – это значит сними напряжение со всех мышц, освободи разум от всех мыслей, думай о чем-нибудь приятном, слейся с окружающим миром и постарайся не сдерживать свое тело. Пусть оно само вспомнит присущую ему форму и облик. А я тебе помогу.

Я сделал паузу и продолжил голосом профессионального афериста, вдобавок производя руками пассы, как я их себе представлял:

– Ты расслаблен, ты расслаблен, твое тело безвольно, оно отдыхает, ты медленно, но неуклонно идешь вспять по времени, ты перетекаешь из сегодня во вчера, в позавчера, и дальше и дальше. На счет три ты примешь свою естественную форму и свой истинный облик... Раз... два... три!..

Тут раздался слабый хлопок и мой двойник исчез. Мы вдвоем уставились на пустой пенек.

– Да! Точно... – радостно донеслось со стороны пенька. – ...Именно таким я и был! Вот, оказывается, какой я абориген!

– Дяденька... вы где? – Данила очень точно выразил мучивший нашу компанию вопрос.

– Как это где? Я здесь... Нет, я везде... – И вокруг нас раздался довольный, радостный смех.

– Значит, ты все-таки не имеешь материального воплощения, – сурово констатировал я.

– Нет, я имею материальное воплощение! Это просто вы не имеете возможности ощущать мое материальное воплощение... Нет, пожалуй, этот ваш черный друг, Ванька, такую возможность имеет...

Я глянул вниз и увидел, что шерсть у Ваньки на загривке поднялась дыбом, и он, припав брюхом к траве, крадучись обходит нас с Данилой по кругу, внимательно поглядывая по сторонам. При этом кот, казалось, готов прыгнуть в любую из сторон. Глаза его горели охотничьим азартом.

– Вань, оставь его в покое, он мирный, – попросил я кота, и тот, с сомнением поглядев на меня, прекратил свою охоту.

– Вот что, – обратился я к пустому пеньку, где раньше располагался мой двойник. – Ты, конечно, занятный тип, но нам необходимо продолжать свою дорогу. Если хочешь, можешь проводить нас немного. В пути и поговорим. Мне кажется, нам есть что друг другу рассказать...

– А идите! От меня вы все равно не уйдете, а мне с вами интересно. Ты еще обещал мне имя придумать!

Мы тронулись дальше по своей тропе.

– Ну, чтобы имя придумать, надо получше тебя узнать. Вот ты, например, где обитаешь?..

– Я? Я обитаю в этом мире!

– Ну это понятно, а где именно?

– Именно в этом мире!

– Нет! В каком конкретном месте этого мира?

– А ни в каком конкретном месте. Я же говорю – я живу в этом мире!

– Что, сразу во всем мире? – Я довольно усмехнулся своей шутке, представив самого себя, рассеянного по всему миру.

– Именно – сразу во всем мире! – бодро заявил невидимка, чем привел меня в некоторое замешательство.

– Я прекрасно знаю... нет, чувствую, все, что в моем мире происходит. Я, к примеру, сразу почувствовал, когда вы здесь появились.

– То есть я правильно понял, что ты находишься сразу во всех местах своего мира? – Только задав вопрос, я понял, насколько по-идиотски он звучит. И тем не менее не удивился, получив ответ:

– Точно, сразу везде, во всех местах.

– Ты что же, можешь знать, чем занимается в данный момент каждый житель этого мира?

– Конечно!

Он был очень доволен собой.

Несколько минут мы шагали молча, обдумывая услышанное. Затем Данила задал неожиданный вопрос:

– Ты сказал, что никогда не встречаешься и не разговариваешь с людьми своего мира. А почему ты с нами заговорил?

– Да вы такие странные. Не такие, как другие такие же...

Я, усмехнувшись, пробормотал:

– Ну ты и выражаешься. «Вы не такие, как другие такие же...» Называется – загнул силлогизм...

– Кто такой силлогизм? – тут же откликнулся голос рядом со мной.

– Это такой... термин... Да ладно, не будем заползать в дебри языкознания... – Мне не хотелось развивать эту тему. – Ты лучше скажи, чем же это мы отличаемся от «других таких же»?

– Ну как тебе сказать. В моем мире много таких, как ты или маленький колдун. Только они не такие. Они все... как же... ну не пахнут, нет... они... понимаешь... рядом с ними всегда чувствуешь, что они готовы принять другой вид. Один, два, три, восемь или сколько-то там других обликов. Вот!.. – Он облегченно вздохнул, явно довольный тем, как хорошо сумел все объяснить. – А когда я рядом, они принимают другой вид легко и весело. А вы! Я сразу учуял, что вы не можете изменить свой облик...

Тут он неожиданно замолчал, но я чувствовал, что он все еще находится рядом с нами. И верно, через несколько минут он как ни в чем не бывало продолжил:

– Нет, маленький колдун, пожалуй, сможет принять другой облик. И не один... А ты, Белоголовый, ничего с собой сделать не можешь! – Его радость была неприкрытой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.